

А. Е. АЛЕКТОРОВЪ.

N 612
414

801-83
18486-9

ТУРГАЙСКАЯ ОБЛАСТЬ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ ОБЛАСТИ,

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЕЯ НАСЕЛЕНІЯ

И

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

(Статистическіе очерки).

9931-11333

ОРЕНБУРГЪ.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ЕВФИМОВСКАГО - МИРОВИЦКАГО.

1891

Печатано по распоряженію г. Попечителя Оренбургскаго учебнаго округа.

ИСТОЧНИКИ.

- 1) Положеніе объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской 21 октября 1868 года.
- 2) Оренбургское укрѣпленіе и его окрестности. А. О. Пальчевскій. Сборникъ статистическихъ, историческихъ и археологическихъ свѣдѣній по бывшей Оренбургской и нынѣшней Уфимской губерніямъ, собранныхъ и разработанныхъ въ теченіе 1866—67 годовъ. Уфа, 1868 г.
- 3) Матерьялы для ботанической географіи Арало-Каспійскаго края. Борщовъ. 1865.
- 4) Астрономическія опредѣленія 1867—71 годовъ, Тилло.
- 5) Новое административное дѣленіе Тургайской области, пространство ея, народонаселеніе и населенность. Л. Валлюзекъ. Записки Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1870 г.
- 6) О развитіи хлѣбопашества по бассейну рѣки Тургая. Султанъ Сейдалинь 2-й. Записки Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1870 г.
- 7) О бѣдствующихъ киргизахъ, рукопись А. И. Оводова, 1880.
- 8) Статистическій очеркъ городскихъ поселеній Тургайской области, рукопись А. И. Оводова, 1882.
- 9) Обзоръ Акмолинской области за 1883 годъ, приложение къ всеподданнѣйшему отчету Акмолинскаго губернатора.
- 10) Обзоръ Тургайской области за 1883 годъ.
- 11) Обзоръ Тургайской области за 1884 годъ.
- 12) Обзоръ Тургайской области за 1885 годъ.
- 13) Обзоръ Тургайской области за 1886 годъ.
- 14) Обзоръ Тургайской области за 1887 годъ.
- 15) Обзоръ Тургайской области за 1888 годъ.
- 16) Россія Европейская и Азіатская Элизе Реклю, т. II, 1884.
- 17) По горамъ и степямъ Средней Азіи. Р. В.
- 18) Отъ Орска до Казалинска. О. Ш. Туркестанскія Вѣдомости, 1889.
- 19) Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ, 1889, № 9.
- 20) Ибрагимъ Алтынсаринъ (Иванъ Алексѣевичъ) Алтынсаринъ. Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ, 1889, № 33.

21) Русскій Чикаго. Оренбургскій Листокъ, 1890 г., № 1.

22) Средне-азиатскія варіаціи на міровую тему. Письмо третье. О. III. Окраина, 1890, № 141.

23) Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. Хроника. 1890, № 24.

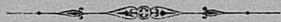
24) Докладъ профессора Э. Петри на VIII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей о русскихъ киргизахъ.

25) Каталогъ Казанской научно-промышленной выставки 1890 года, учебный отдѣлъ: Киргизскій женскій интернатъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Что представляет собою для читателя Тургайская область.—На основаніи чего составлено статистическое описаніе этой области.—Границы ея.—Характеръ мѣстности, которую занимаетъ Тургайская область.—Растительное царство.—Площадь Тургайской области и административное ея раздѣленіе.—Г. Тургай.—Г. Иргизъ.—Фортъ Карабутаекій.—Акъ-Тюбе.—Уѣздныя управленія.—Скотоводство киргизовъ.—Земледѣліе.—Лѣсоводство.—Горная промышленность.—Численность кочеваго населенія Тургайской области.—Численность осѣдлаго населенія.—Поселеніе Кустанай.—Величина уѣзныхъ городовъ Тургайской области, по количеству построекъ въ нихъ.—Подати.—Земскія повинности.—Содержаніе земскихъ трактовъ и почтоваго.—Дѣло народнаго образованія.—Оспопрививаніе.—Содержаніе джигитовъ.—Покрываютъ-ли расходы киргизы Тургайской области доходами.—Организація медицинской помощи.—Народная нравственность.—Нѣсколько словъ по поводу одной замѣтки газеты «Переводчикъ» и нѣсколько словъ по адресу «Стенной Газеты».

ТУРГАЙСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Естественныя и производительныя силы области, хозяйственная дѣятельность ея населенія и народное образованіе.

(СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ).

Для читателей, не имѣвшихъ случая познакомиться съ Тургайскою областью лично или изъ официальныхъ источниковъ, область эта должна представляться не иначе, какъ terra incognita,—тѣмъ болѣе, что случайно попавшія въ печать свѣдѣнія объ Тургайской области заключаютъ въ себѣ часто весьма рѣзкія несообразности; такъ, напримѣръ, въ издаваемомъ Гоппе Всеобщемъ Календарѣ въ росписи городовъ Россійской имперіи нѣсколько лѣтъ сряду появлялся г. Иргизъ, населенный 2775-ю лицами мужскаго и женскаго пола, между тѣмъ какъ объ этомъ же самомъ Иргизѣ въ известной брошюрѣ «Пески Кара-Кумъ по отношенію къ средне-азіатской желѣзной дорогѣ» утверждается, что онъ имѣетъ жителей только 123 души обоего пола. Официальные источники, хотя и ближе подходили къ истинѣ, но до послѣдняго десятилѣтія и они не могли считаться удовлетворительными, такъ какъ, по отсутствію въ области всякой статистики, основывались не на точныхъ изслѣдованіяхъ, а на гадательныхъ предположеніяхъ. Только въ послѣднее время, благодаря стараніямъ центральной областной администраціи, дѣло статистики получило нѣкоторое развитіе, результатомъ чего и является настоящій трудъ, основанный, съ одной стороны,

на официальныхъ данныхъ послѣдняго времени, съ другой стороны—на разсмотрѣннй печатныхъ источниковъ и рукописей и съ третьей—на личныхъ моихъ наблюденіяхъ.

Тургайская область была образована въ 1868 году, по Высочайшему повелѣнію, которое состоялось 21 октября.—Находясь между 45° — 55° сѣверной широты и 72° — 85° восточной долготы, область эта граничитъ съ сѣвера Оренбургскою губерніей, съ востока—Акмолинскою областью, съ юга—Сырѣ-Дарьинскою (Туркестанскаго края), а съ запада—Уральскою. Отъ впаденія рѣки Бердянки въ Уралъ граница идетъ по этой послѣдней рѣкѣ къ востоку, дѣлая, впрочемъ, постепенное уклоненіе на югъ, до впаденія въ Уралъ рѣки Ори, затѣмъ—Орью (нѣсколько верстъ) и поворачиваетъ на сѣверо-востокъ къ Императорской станицѣ, отсюда—къ станицѣ Наслѣдника, Константиновской и Николаевской; отъ Николаевской станицы—на сѣверо-западъ къ Михайловской; отсюда—рѣкою Тогузакъ, по направленію къ сѣверо-востоку. Отъ впаденія Тогузака въ Уй граница идетъ по этой рѣкѣ до Звѣриноголовской станицы, откуда, сдѣлавъ излучину, круто поворачиваетъ на югъ, идетъ по рѣкѣ Убагану, огибаетъ съ восточной стороны озеро Денгизъ-Куль и снова, уклоняясь къ востоку, идетъ на югъ по вершинамъ рѣкъ Сары-Тургай, Кара-Тургай и Улу-Джиланчикъ; отъ Кара-Тургай граница идетъ къ югу до поворота Сары-Су на сѣверо-востокъ, отсюда на западъ къ горѣ Чударъ-Тюбя, на сѣверъ—къ урочищу Акъ-Кумъ, на западъ, съ сильнымъ уклоненіемъ къ сѣверу, до горы Балмасъ, къ Терекли и—ломанною линіей—къ Аральскому морю, сѣвернымъ берегомъ этого моря до Чернышева залива, откуда поворачиваетъ на сѣверъ—къ верховьямъ рѣки Эмбы, идетъ черезъ Мугоджарскія горы и, съ довольно значительнымъ уклоненіемъ отъ

развѣтвленій рѣки Уила къ сѣверу-западу, идетъ на западъ до рѣки Хобды и по этой рѣкѣ до впаденія ея въ Илекъ, затѣмъ—на востокъ по Илеку и на сѣверъ по Бердянкѣ.

Характеръ заключенной въ этихъ границахъ мѣстности преимущественно степной; только на западной границѣ ея лежатъ отроги Уральскаго хребта; составляя продолженіе средней цѣпи хребта этого, мрачно выступаютъ изъ однообразной равнины Тургайской области, въ видѣ крутого рифа, Мугоджарскія горы,—но все эти возвышенности очень незначительны и даютъ начало только незначительнымъ рѣчкамъ, почти всегда пересыхающимъ во время лѣтнихъ жаровъ. Пятидесятою, приблизительно, параллелью мѣстность эта дѣлится на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой, по характеру, части. Сѣвернѣе этой параллели находится страна, обильно орошаемая множествомъ озеръ и рѣчекъ, а потому покрытая, сравнительно, богатыми пастбищами; почва—черноземъ и производительный суглинокъ—почти повсемѣстно способна къ воздѣлыванію и въ мѣстностяхъ, заселенныхъ киргизами и русскими поселенцами, напр. въ Кустанаѣ, родитъ пшеницу высокаго качества; мѣстами здѣсь разбросаны даже лѣса, еще недавно бывшіе очень значительными. Къ югу отъ пятидесятой параллели характеръ мѣстности совершенно измѣняется. Эта часть области къ развитію осѣдлой жизни пригодна далеко не вездѣ и—чѣмъ южнѣе, тѣмъ дѣлается непроизводительнѣе. Она захватываетъ пространство отъ рѣки Урала до предгорій Тянь-Шаня и его отроговъ; почва—солонцеватая глина, солонцы и едва скрѣпленные скудною растительностью песчаные пространства. Вода—какъ въ рѣчкахъ, такъ и въ озерахъ—имѣетъ горько-солончатый вкусъ. Совершенное отсутствіе росы составляетъ одну изъ климатическихъ особенностей этой части Тургайской области;

росы не бываетъ не только въ сухихъ глинистыхъ или песчаныхъ пустыняхъ, но даже по берегамъ озеръ и рѣчекъ. Недостатокъ текучихъ водъ на землѣ, рѣдкость водяныхъ паровъ въ воздухѣ способствуютъ увеличенію однообразія вида, придаваемого странѣ обширнымъ протяженіемъ ея равнинъ, сравнительно съ малымъ возвышеніемъ выпуклостей рельефа почвы. Растительность въ южной части бѣдная и чахлая, да и та ютится больше во впадинахъ и прогалинахъ и лѣтомъ при 40° R жаръ совершенно выгораетъ. Вершины песчаныхъ холмовъ, до того скрѣпленныхъ влагою, начинаютъ сноситься вѣтромъ, глинистая почва трескается и обращается въ пыль, а вода дѣлается почти негодною къ употребленію. Тамъ, гдѣ преобладаютъ глинистыя пространства, флора очень бѣдна формами, при чрезвычайной ихъ оригинальности, и страшно однообразна. *Artemisia Fragens* и *monogyna* (у киргизовъ джуссанъ) являются господствующими видами растеній; почти постоянными ихъ спутниками, особенно джуссана, являются нѣкоторыя низкія *salsolaceae* (*salsola crassa* и *lanata*, *Brachylepis salsa*, *Anabasis tatarica*), а мѣстами также саксаулъ, но далеко не такъ развитый, какъ, напр., въ Кара-Кумѣ и Кызыль-Кумѣ. Къ числу самыхъ характеристическихъ растеній принадлежатъ иланъ (*Ferula persica*), ревень (*Rheum caspium*) и джугзень (*Calligonum calliphysa*), исключительно свойственные глинистой почвѣ. Названными растеніями почти ограничивается флора глинистыхъ пустынь, въ общемъ представляющихъ собою весьма печальный видъ. Солонцы Тургайской области образуютъ собою небольшія разбросанныя пространства; несмотря на разнообразіе оригинальной въ высшей степени растительности, эти вѣчнозеленѣющія пространства далеко не производятъ того грустнаго впечатлѣнія, какъ глинистыя пустыни. Яркозеленые весной солонцы, съ появленіемъ удушливыхъ жаровъ, получаютъ желтоватый и наконецъ ярко-желтый

цвѣтъ, который, съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ дней, переходитъ въ розовый, кроваво-красный и фіолетовый; въ то же время показывается молодая зелень новыхъ отпрысковъ, и всѣ четыре цвѣта представляютъ картину удивительной красоты, но красота эта—только обманъ! Наиболѣе многочисленныя растенія, покрывающія собою солончаковыя пространства—*Ceratocarpus*, *Kalidium foliatum* и *arabicum*, *Halocnemum strobilaceum*, *Salicornia baccifera* и *salsa*, *salsola clavifolia*, *Ofaiston monardrum*, *Halimocnemis villosa*, *sclerosperma* и *glauca*, *Halogeton glomeratus*, *Anabasis aphylla*, *cretacea* и *brachiata*, *Brachylepis salsa*, *Halimocnemis brachiata* и *crassifolia*, *Halostachys caspia* и *Echinopsilon caspius*. Растительность песчаныхъ пространствъ самая интересная изъ всѣхъ другихъ, самая богатая рѣдкими и оригинальными формами и вмѣстѣ съ тѣмъ самая роскошная. Весною, въ апрѣлѣ и маѣ, бугристые пески—совершенный садъ; холмы густо усеяны шарообразными ярко-зелеными кустами различныхъ породъ кара- и ак-джузгунъ (*Calligonum*), серебристыми породами *Ammodendron*'а, колючкою (*Halimodendron argenteum*), гребенщиками (*Tamarix*) и саксауломъ, нѣсколько напоминающимъ сосну; кое-гдѣ появляются небольшія рощицы джиды (*Elaeagnus*) и нѣсколько породъ древовидныхъ *Astragalus*. Красота сыпучихъ песковъ, одѣтыхъ зеленою, какъ и красота соляныхъ пустынь—также обманъ. Вся эта зелень скрываетъ подъ собою ужасы. Цвѣты зацвѣтаютъ и засыхаютъ въ нѣсколько дней. Растительность состоитъ обыкновенно изъ горькой малопрігодной травы, высокой и мягкой, покрывающейся особаго рода цвѣтами, которые спадаютъ при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи и издаютъ отвратительный запахъ. Подъ листьями скрываются скорпіоны, тарантулы, ящерицы, черепахи и змѣи; тутъ же иногда можно встрѣтить зловонный трупъ верблюда. Заблудившись среди песковъ, безъ проводника и безъ воды, вы

будете бродить цѣлые дни, пока не свалитесь въ изнеможеніи вмѣстѣ съ вашимъ конемъ, умирая отъ голода и жажды на этой подчасъ зловонной негодной травѣ, которая можетъ послужить вамъ и ложемъ, и саваномъ, и могилой. Путешественники въ южной части Тургайской области, въ этой безотрадной и знойной пустынѣ, не иначе могутъ совершать лѣтомъ свои переходы, какъ только до восхода солнца и не далѣе какъ до 10-ти часовъ утра, а вечеромъ по закатѣ солнца; земледѣліе здѣсь мыслимо лишь въ сѣверныхъ частяхъ и только при искусственномъ орошеніи полей. Не даромъ же, по ученію Зороастра, за 20 вѣковъ еще до Р. Х., къ Арало-Каспійской впадинѣ, часть которой занимаетъ Тургайская область, приурочивалось жилище злого духа, Аримана, возсѣдавшего на мрачномъ тронѣ, поддерживаемомъ семью дивами или князьями тьмы. Обитателямъ свѣтлаго Ирана и не могла казаться иначе, какъ адомъ, страна безпріютная, безлѣсная, безводная и бездождная.

Вслѣдствіе слишкомъ значительной противоположности между сѣверною и южною частями Тургайской области и условія кочевой жизни киргизовъ въ этихъ мѣстностяхъ, а также и породы содержимаго ими выючнаго скота существенно отличаются между собою. Въ сѣверной части, какъ богато одаренной растительностью, кочевникамъ нѣтъ надобности перекочевывать на большія пространства: далѣе пятидесяти верстъ отъ своихъ зимовокъ они рѣдко уходятъ; или охотнѣе содержатся лошади, нежели верблюды. Совсѣмъ не то въ южной части. Вслѣдствіе отсутствія здѣсь въ лѣтнее время растительности, киргизы должны перекочевывать на это время верстъ за 600 или за 800 къ сѣверу отъ своихъ зимовокъ. При такихъ дальнихъ перекочевкахъ и при крайней скудости корма, лошади, какъ выючный скотъ, мало пригодны, а потому южные киргизы, по необходимости, разводятъ въ большомъ количествѣ верблюдовъ, какъ животныхъ,

болѣе способныхъ оставаться продолжительное время безъ воды, и какъ животныхъ, довольствующихся такимъ кормомъ, котораго лошади не ѣдятъ.

Тургайская область имѣетъ площадь въ 402.344 кв. версты (около 41 миллиона десятиинъ) и, кромѣ того, киргизы занимаютъ еще 17.308 кв. верстъ въ новолинейномъ районѣ, среди земель Оренбургскаго казачьяго войска. Въ административномъ отношеніи область эта дѣлится на четыре уѣзда: Илецкій и Николаевскій, занимающіе пространство, удобное для хлѣбонашества, Иргизскій и Тургайскій, пригодные лишь для скотоводства. Илецкій уѣздъ заключаетъ въ себѣ 9 волостей, 68 ауловъ съ кочевымъ населеніемъ и постъ Акъ-Тюбе,—Тургайскій—10 волостей, 30 ауловъ съ кочевымъ населеніемъ и г. Тургай,—Иргизскій—12 волостей, 58 ауловъ съ кочевымъ населеніемъ, г. Иргизъ и фортъ Карабутахъ,—Николаевскій—13 волостей, 60 ауловъ съ кочевымъ населеніемъ и поселки: Кустанай, Пригородный и Затобольскій,—всего 44 волости, 216 ауловъ и 7 городовъ и поселеній. Одна крестьянская волость образовалась въ 1885 году изъ поселившихся въ Николаевскомъ уѣздѣ на урочищѣ Кустанай, при Тоболѣ, переселенцевъ изъ разныхъ губерній внутренней Россіи. Волость эта названа была Кустанайскою. По пространству уѣзды Тургайской области могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: Тургайскій, Иргизскій, Николаевскій, Илецкій, а по числу жителей первое мѣсто занимаетъ уѣздъ Николаевскій, второе—Иргизскій, третье—Илецкій, четвертое—Тургайскій.

Тургай въ переводѣ на русскій языкъ значитъ жаворонокъ. Городъ этотъ основанъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1845 году съ наименованіемъ Оренбургскимъ укрѣпленіемъ. Для укрѣпленія выбрали возвышенное мѣсто и обнесли его

дерновымъ высокимъ валомъ. Внутри крѣпости, по угламъ, возвышались четыре барбета, на которыхъ стояли орудія; посрединѣ крѣпости на небольшой площади находилась церковь, а по бокамъ тянулись квартиры офицеровъ, лазаретъ и казармы. По направленію къ юго-западной сторонѣ были сдѣланы проходныя ворота; кругомъ укрѣпленія были разбросаны мазанки поселенцевъ (слободка). Зданія были расположены сжато и построены изъ сырого солонцевато-глинистаго кирпича—матеріала мѣстнаго и весьма недоброкачественнаго; внутри и снаружи они были выштукатурены пропорціональною смѣсью лошадинаго кака съ желтою глиной и выбѣлены бѣлою глиной, которая добывалась верстъ за 100 отъ построекъ. Близъ укрѣпленія дозволено было производить безпошлинно и свободно мѣновую торговлю. Въ 1849 году генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края Обручевъ сталъ заселять киргизскія степи казаками, въ Оренбургское укрѣпленіе переселено имъ было 21 семейство.

Сорокъ пять лѣтъ прошло со времени основанія г. Тургая, но и теперь городъ этотъ не представляетъ собою ничего интереснаго; видъ его мрачный; окрестности—равнина, прерываемая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшими возвышеніями; на ней въ разныхъ мѣстахъ, на протяженіи 25 и 40 верстъ, кочуютъ весною и лѣтомъ киргизы, а осенью они переселяются дальше—верстъ на 300—400 на свои постоянныя зимовки. Г. Тургай стоитъ на р. Тургаѣ; рѣка эта находится приблизительно въ разстояніи версты отъ города и течетъ по направленію къ юго-западу. Въ окрестностяхъ Тургая находится много мелкихъ озеръ, заросшихъ камышемъ; вода въ нихъ тухло-соленая, и лѣтнія испаренія имѣютъ дурное вліяніе на состояніе здоровья жителей.

Городъ Иргизъ основанъ былъ, какъ и Тургай, по Высочайшему повелѣнію, въ 1845 же году съ наименованіемъ Уральскимъ укрѣпленіемъ; основанъ онъ былъ на правомъ

возвышенномъ берегу рѣки Иргиза, въ мѣстности, окруженной солонцами и сыпучими песками и не имѣющей въ достаточномъ количествѣ прѣсной воды, но лежащей на главномъ торговомъ и военномъ пути въ Среднюю Азію. Въ 1849 году Обручевъ переселилъ въ Уральское укрѣпленіе 13 казачьихъ семействъ.

Фортъ Карабутакскій построенъ былъ на пути сообщенія Оренбургской линіи съ Уральскимъ укрѣпленіемъ, при слияніи Иргиза съ Карабутакомъ, въ 1848 году. Мѣстность выбрана была крайне неудобная во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ стратегическаго. Карабутакъ въ переводѣ на русскій языкъ значитъ черная рѣчка, т. е. рѣчка съ горько-соленою водою, негодною для употребленія. Одно уже это названіе даетъ намъ понятіе, какова мѣстность, гдѣ расположенъ Карабутакскій фортъ, въ которомъ Обручевъ поселилъ всего 4 казачьихъ семейства. Фортъ этотъ утратилъ теперь всякое значеніе и отличается только буранами, которые бывають здѣсь круглый годъ, наносятъ лѣтомъ песокъ и поднимають ѣдкую соленую пыль съ близъ лежащихъ солончаковъ, а зимою до того бушуютъ, что часовые на гауптвахтѣ ходятъ, держась за веревку, чтобы не заблудиться.

Акъ-Тюбе, правильнѣе Ак-тѣбѣ, въ переводѣ—бѣлая вершина, построено въ 1869 году на лѣвомъ берегу Илека, одной изъ важнѣйшихъ въ Тургайской области рѣкъ, на холмѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ развѣтвляются дороги изъ Оренбурга на Сыръ-Дарью и Усть-Уртъ. Здѣсь прекрасная почва и обиліе прѣсной воды.

Г. Тургай находится подъ $49^{\circ} 38'$ сѣв. широты и подъ $33^{\circ} 10'$ долготы отъ Пулковской обсерваторіи къ востоку, Иргизъ—подъ $48^{\circ} 37'$ сѣв. шир. и подъ $30^{\circ} 57'$ вост. долг., Карабутакъ—подъ $49^{\circ} 47'$ и $29^{\circ} 31'$, а постъ Акъ-Тюбе—подъ $50^{\circ} 17'$ и $26^{\circ} 54'$.

Тургайская область, какъ видѣли мы выше, раздѣляется на уѣзды, уѣзды дѣлятся на волости, а волости на аулы. Управление въ каждомъ уѣздѣ какъ общественно-народными дѣлами, такъ и по военной части сосредоточено въ лицѣ уѣзднаго начальника, при которомъ состоитъ два помощника—старшій и младшій и канцелярія; управление волостями возложено на волостныхъ управителей, аулы же управляются аульными старшинами. Какъ тѣ, такъ и другіе выбираются изъ среды населенія, согласно народному обычаю, особыми избирателями, назначаемыми въ аулѣ отъ каждыхъ 10-ти кибитокъ, а въ волости отъ 50-ти. Управленія находятся въ степи, въ центрѣ каждаго уѣзда: въ Акъ-Тюбе, въ поселеніи Кустанай, въ г. Иргизѣ и въ г. Тургаѣ; областное же правленіе и военный губернаторъ области находятся въ г. Оренбургѣ, такъ какъ внутри области до послѣдняго времени не было ни одного пункта, достаточно обстроеннаго и удобнаго для помѣщенія областного управленія.

Количествомъ скота у киргизовъ опредѣляется состоятельность семьи и степень того уваженія, какимъ пользуется скотовладѣлецъ въ средѣ своихъ сородичей. Такъ въ дѣйствительности пока должно и быть. Въ скотоводствѣ, можно сказать, проходить вся жизнь киргиза съ его ранняго дѣтства до глубокой старости. Скотъ для него все: и орудіе производства, и конечная цѣль этого производства, и запасный капиталъ, сберегаемый про черный день, и, наконецъ, орудіе обмѣна, т. е. деньги. Въ первобытномъ хозяйствѣ пастуха тѣ элементы производства, которые мы видимъ столь ясно расчлененными во всякомъ другомъ случаѣ, слиты еще вмѣстѣ, не дифференцированы. Силы природы, которыми такъ деспотически повелѣваетъ современный работникъ гдѣ-либо на механическомъ заводѣ, на паровозѣ или у электродина-

мической машины,—здѣсь сохраняютъ еще полное господство надъ человѣкомъ и результатами его труда. Человѣкъ въ киргизской степи—слѣпой рабъ природы; онъ беретъ отъ этой послѣдней то лишь и тогда лишь, что и когда сама она захочетъ дать ему, и это—въ знойномъ климатѣ, въ глухой песчаной равнинѣ, безводной, безлѣсной. Понятно послѣ этого, какъ жалко и какъ необезпечено должно быть хозяйство степняка-киргиза, какъ дорого оно ему обходится и какого удивленія заслуживаетъ онъ самъ въ дѣлѣ эксплоатаціи окружающей его среды. Очень похоже на то, какъ лишай живетъ на голомъ камнѣ скалы, гдѣ никакая другая растительность совсѣмъ немыслима, киргизъ населяетъ собою такія мѣста, которые безъ него теперь были бы ни къ чему негодны. Цѣлыя столѣтія приспособляясь къ средѣ, онъ сталъ способенъ держаться съ стадомъ своимъ тамъ, гдѣ, повидимому, совершенно невозможно существованіе человѣка. Говоря это, мы вовсе не склонны думать, что такъ должно быть и дальше, что киргизы навѣки должны остаться кочевниками, эксплуатируя степь, пески и солонцы; будетъ время, когда и они обратятся всѣ къ земледѣлію, и пастушеская жизнь останется для нихъ только преданіемъ. Что слишкомъ плохи условія для развитія въ степи хлѣбопашества—ничего; это прежде богатыми странами считались тѣ, гдѣ роскошнѣе была природа, а теперь—гдѣ дѣятельнѣе человѣкъ. Историческая лѣность и съ нею ограниченность желаній заставляютъ киргиза пока довольствоваться скотоводствомъ, которое и является въ настоящее время главнымъ источникомъ киргизскаго благосостоянія и самымъ любимымъ занятіемъ ордынцевъ.

Больше всего изъ скота киргизы имѣютъ овецъ; стада этихъ животныхъ поражаютъ васъ своею многочисленностью. Киргизскія овцы, безобразныя на видъ, отличаются величиною и силой, такъ что десяти—двѣнадцатилѣтнія дѣти мо-

гутъ ѣздить въ хорошее время года на нихъ для забавы верхомъ. Ростомъ овцы эти выше только-что родившагося теленка и настолько бываютъ тучны, что старыя изъ нихъ лѣтомъ и осенью вѣсятъ обыкновенно отъ четырехъ до пяти съ половиною пудовъ; у нихъ кривые горбатые носы; нижняя губа длиннѣе передней,—большія повислыя уши и по мочкѣ на шеѣ; у нѣкоторыхъ барановъ бываетъ по пяти и по шести роговъ. Въмѣсто хвоста киргизскія овцы имѣютъ курдюки, которые вѣсятъ отъ 30 до 40 фунтовъ; курдюки эти даютъ отъ 20 до 30 фунтовъ сала. Шерсть на овцахъ длинная, особенно на задней части, растетъ клочками и до того груба, что едва-ли можетъ быть употребляема на самое толстое сукно; стригутъ ее два раза въ годъ—весной и осенью; цвѣта она темно-рыжаго. Принося большею частью вдругъ по два ягненка, овцы въ степяхъ чрезвычайно быстро размножаются и переносятъ съ удивительною крѣпостью непогоды, голодъ и жажду. О выносливости степной овцы очевидецъ, А. Мейеръ, рассказываетъ весьма любопытный фактъ. Я имѣлъ случай, говоритъ онъ, видѣть небольшое стадо овецъ, около 15 штукъ, прошедшихъ съ коннымъ отрядомъ форсированнымъ маршемъ 80 верстъ безъ воды, при температурѣ на солнцѣ до 50° R., и возвратившихся тѣмъ же путемъ черезъ нѣсколько дней, не потерявши ни одной штуки отъ усталости или жары. Хотя зимою отъ недостатка въ кормѣ киргизскія овцы и бываютъ очень тощи, но зато весною быстро поправляются и тучнѣютъ отъ соляныхъ травъ. Выгоды, получаемыя номадомъ отъ овцы, чрезвычайно важны: онъ питается мясомъ ея; онъ укрывается отъ холода шубою, сдѣланною изъ ея кожи; покрываетъ жилище свое войлоками изъ ея шерсти,—получаетъ отъ нея молоко и любимый свой крутъ. Овца служила и служить еще доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ киргизу для опредѣленія цѣны вещамъ вмѣсто денегъ и, наконецъ, она же составляетъ глав-

нѣйшій предметъ торговли со всѣми сосѣдными народами и едва-ли не главнѣйшую цѣль ихъ связей съ ними; короче сказать: овца киргиза кормить, одѣваетъ и, знакомя съ сосѣдами, доставляетъ ему все нужное и полезное.

Несмотря на разнообразіе и многочисленность выгодъ, приносимыхъ киргизу овцою, онъ почти не могъ бы существовать безъ верблюда, который, при благодѣтельной для степени способности—переносить жажду и голодъ, возить на себѣ все имущество и даже домъ его, котораго шерсть прячется и употребляется на одежду, молоко и мясо—въ пищу, а молодые шкуры на шубы и шапки. Животное это справедливо называлъ Бюффонъ кораблемъ пустыни.

Верблюдъ принадлежитъ къ жвачнымъ двукопытнымъ животнымъ; онъ сложенъ весьма некрасиво; у него толстое туловище на высокихъ ногахъ, которыя неуклюже стоятъ, какъ кривыя подпорки; большой животъ и на спинѣ одинъ или два горба также не придаютъ красоты. Горбъ состоитъ изъ жира, который выдѣляется подъ кожею на спинѣ: при обильной пищѣ онъ высоко вырастаетъ, при худомъ кормѣ почти совершенно исчезаетъ. Одногорбые верблюды, или дромадеры (наръ) водятся въ сѣверной Африкѣ и въ Аравіи, двугорбые—далѣе на востокъ: въ Бухарѣ, въ киргизскихъ степяхъ и во всей Монголіи до границъ собственнаго Китая (и у насъ около Азовскаго и Каспійскаго морей и въ южной Сибири). На длинной шеѣ у верблюда маленькая безрогая голова, черепъ круглый, морда вытянутая, маленькія уши сзади, глаза большіе съ умнымъ выраженіемъ, губы обвислыя и мотаются во время бѣга. Вся высокая невзрачная фигура съ вытянутою шеей придаетъ верблюду какой-то смѣшной и горделивый вмѣстѣ съ тѣмъ видъ; къ этому надо прибавить широчайшіе, покрытые мозолистою кожей, пальцы (по два на каждой ногѣ) и большія мозоли также на груди и сочлененіяхъ переднихъ ногъ. Верблюдъ, опускаясь

на землю, налегаетъ своимъ тяжелымъ туловищемъ преимущественно на грудь и на переднія ноги, и мозоли служатъ ему вмѣсто подпоро. Невольно воображаешь, будто первыя животныя натерли себѣ эти мозоли подъ тяжестью кладей, а потомъ уже это обратилось въ природу верблюда, но въ дикомъ состояніи верблюда мы не знаемъ *): съ незапамятныхъ временъ онъ прирученъ человѣкомъ. Несмотря на это, онъ неохотно, лишь изъ принужденія, служить человѣку. Вообще верблюдъ—глупое и упрямое животное. Погонщикъ большею частью только плетью можетъ заставить его лечь на ноги и крѣпко держать за ноздри, чтобы онъ не вскочилъ. Верблюдъ въ это время реветъ благимъ матомъ и съ яростію ворочаетъ глазами; наконецъ, его поднимаютъ и ударами плети заставляютъ идти; тутъ онъ покоряется и бредетъ терпѣливо десятки верстъ, но когда его разгружаютъ, онъ начинаетъ свой рѣзкій отвратительный ревъ, а иногда сбрасываетъ кладь, убѣгаетъ въ степь, больно кусаетъ и топчетъ ногами своего хозяина. Средствомъ самозащиты у

*) Въ третье свое путешествіе по Центральной Азіи, предпринятое въ 1876 году, Николай Михайловичъ Пржевальскій убѣдился въ существованіи дикихъ верблюдовъ. На необъятномъ пространствѣ Лобь-Норской пустыни живутъ эти верблюды, и никто изъ европейцевъ доселѣ не имѣлъ о нихъ достовѣрныхъ свѣдѣній; одинъ только Марко-Поло знаменитый путешественникъ XIII вѣка, упоминалъ о нихъ, но никто изъ жителей Европы не видалъ ихъ.

Пржевальскій не только убѣдился въ существованіи дикихъ верблюдовъ, но и привезъ ихъ шкуры. Отъ домашняго своего родича дикій отличается, именно, отсутствіемъ мозолей на колѣнахъ переднихъ ногъ, меньшей величины горбами и меньшимъ ростомъ. Въ противоположность ручнымъ верблюдамъ, у которыхъ трусость и глупость составляютъ преобладающія черты характера, дикій его собратъ отличается смѣтливостью и превосходно развитыми чувствами; чрезвычайно острое зрѣніе его, тонкій слухъ и обоняніе доходятъ до удивительнаго совершенства. Охотники-туземцы увѣряютъ, что онъ можетъ почуять человѣка за нѣсколько верстъ, услышитъ малѣйшій шорохъ шаговъ и, убѣдившись въ опасности, почти цѣлый день бѣжить, забираясь въ самыя непроходимыя части пустыни.

верблюда служить слюна, которою обдаёт онъ своего врага. Каковъ бы ни былъ ухоть, это животное не выказываетъ привязанности къ человѣку, и всегда можно опасаться, чтобы оно не укусило руку, которая его гладитъ или кормитъ. При верховой ѣздѣ, верблюдъ всячески пытается сбросить неумѣлаго всадника; это часто происходитъ при самомъ еще сажаньи. Верблюдъ встаетъ на ноги тремя довольно большими прыжками: сначала онъ поднимается на переднія колѣна, потомъ разомъ вскакиваетъ на заднія ноги и, наконецъ, на переднія. Чуть всадникъ ухватится, чтобы сѣсть, какъ верблюдъ ужъ вспрыгнулъ и перебрасываетъ его черезъ голову. Иногда во время пути верблюдъ начинаетъ упрямяться, поворачиваетъ не туда, куда его тянуть, останавливается или ускоряетъ шагъ противъ воли ѣздока.

Несмотря на эти недостатки, верблюдъ въ степи, повторимъ еще, неоцѣнимое животное. Широкая ступня служить ему, чтобы не тонуть въ песокъ; запасъ жиру на спинѣ даетъ ему возможность долго обходиться безъ пищи. Только въ безлѣсной, безводной степи и могутъ жить верблюды. Это животное не любитъ воды; страшнымъ мученіемъ для него служить переправа черезъ рѣки: верблюдъ не умѣетъ плавать. Киргизы приучаютъ своихъ верблюдовъ къ невѣроятнымъ лишеніямъ; въ мѣстахъ же плодородныхъ, гдѣ можно найти обильную пищу, они скоро становятся изнѣженными и неспособными переносить степныя путешествія. При дальней дорогѣ верблюда нужно хорошо кормить и, по крайней мѣрѣ, на четвертый день достаточно поить: тогда онъ способенъ идти безъ отдыха отъ пяти часовъ утра до семи часовъ вечера и пройдетъ въ это время съ тяжелою кладью болѣе 60 верстъ. Верблюдъ обыкновенно идетъ тяжелою иноходью, качая головой и всѣмъ туловищемъ взадъ—впередъ, а также сверху—внизъ. Бѣгъ обученныхъ дромадеровъ быстрый и легкій; они иногда могутъ бѣжать рысью въ про-

долженіе четырехъ дней по 16 часовъ въ сутки, безъ отдыха, и такъ въ четыре дня пробѣжать безъ малаго 600 верстъ.

Молодаго верблюженка первыя двѣ или три недѣли стараются держать въ теплѣ, кутають войлокомъ и берутъ въ холодныя ночи въ кибитку. Около года отъ рожденія или еще прежде прокалываютъ верблюду носовой хрящъ и вдѣваютъ въ отверстіе палочку или кость, къ обоимъ концамъ которой привязываются веревки, служащія вмѣсто узда и поводовъ для управленія; потомъ учать ихъ становиться на колѣна и вставать по данному знаку: закричать верблюду чокъ, и онъ долженъ становиться на колѣна; положивъ на него вьюкъ, скажутъ ему съ присвистомъ атчу или просто махнутъ рукой, онъ долженъ встать. Трехлѣтній верблюдъ носить уже порядочную тяжесть, а пятилѣтній считается совершенно взрослымъ; до пятнадцати лѣтъ онъ въ полной силѣ, потомъ начинаетъ слабѣть и рѣдко доживаетъ до двадцати пяти лѣтъ, погибая больше отъ изнуренія, чѣмъ отъ свойствъ своего организма.

Ноша или вьюкъ верблюда дѣлится обыкновенно на двѣ равныя части, которыя, лежа на бокахъ, соединяются на спинѣ и которыя въ большихъ путешествіяхъ не превышаютъ обѣ 16 или 18 пудовъ; при переходѣ разстояній незначительныхъ навьючиваютъ много больше. Въ послѣднее время занимающіеся хлѣбопашествомъ киргизы съ успѣхомъ стали употреблять верблюдовъ для полевыхъ работъ и для перевозки тяжести въ упряжи.

Овца и верблюдъ являются, такимъ образомъ, самыми полезными для киргизскаго народа животными, но не самыми любимыми; любимый скотъ у этого народа лошади.

Въ широкихъ безпредѣльныхъ степяхъ киргизскихъ по бѣлымъ коврамъ роскошнаго ковыла, по пыльнымъ солонцамъ, покрытымъ горькою полынью, а гдѣ и по песчанымъ пустынямъ, заросшимъ рѣдкою колючкой и джизганомъ, бродятъ и

день и ночь подъ открытымъ небомъ значительные косяки полудикихъ лошадей, бродятъ на волѣ, а все-таки подъ зоркимъ присмотромъ и охраной косоглазыхъ номадовъ табунщиковъ. Эти малорослые крѣпкіе кони, мохнатые, съ короткими шустрыми ушами, съ огненнымъ бойкимъ взглядомъ, со стальными ногами, не знаютъ усталости и разстоянія — пестыя дѣти степей. Неприхотливые на кормъ, сравнительно съ нашею русскою лошадыю, легко переносящіе продолжительныя голодовки и жажду, не боящіеся ни жара палящаго лѣтняго солнца, ни рѣзкаго холода и непогодъ степной зимы, — эти кони не знаютъ ни теплыхъ загоновъ, ни конюшенъ, не знаютъ легкаго, заранее приготовленнаго запасливомъ хозяиномъ корма; они рождаются въ степи подъ открытымъ небомъ, переживаютъ трудныя мѣсяцы дѣтскаго возраста и страданія мытомъ, крѣпнуть, вырастая на волѣ, не легко дрессируются, попавъ подъ арканъ челоуѣка, но зато всю жизнь вѣрно и честно служатъ своему хозяину.

Въ косякахъ лошади живутъ хотя и подъ присмотромъ табунщиковъ, но живутъ своевольно, своимъ разумомъ; онѣ разбиваются на группы и въ каждой группѣ повинуются главному своему вожаку — табунному жеребцу, который и беретъ на себя бдительный надзоръ за безопасностью довѣрившихся ему матокъ и жеребятъ. Пока тѣ мирно пасутся, жеребецъ-вожакъ зорко оглядываетъ степное пространство и во-время замѣчаетъ малѣйшій признакъ опасности. Храбро, съ полнымъ самоотверженіемъ жеребецъ идетъ навстрѣчу врагу, въ какомъ бы видѣ ни появился онъ изъ своей воровской засады. Похищеніе жеребятъ волками, бродящими въ степи иногда громадными стаями, явленіе почти небывалое. Степныя лошади выработали вѣковымъ опытомъ даже способъ общей обороны, въ случаѣ если бы волки вздумали атаковать ихъ массами: онѣ быстро собираются въ тѣсный кругъ головами внутрь, загоняютъ въ середину все молодое,

слабое, а сторожевой жеребец богатыремъ прыгаетъ и носитъ въ этого круга, и горе несчастному голодному хищнику, если онъ не увернется изъ-подъ его желѣзныхъ копытъ, изъ-подъ безпощадной зубной хватки!

Лошадь и ея достоинства опредѣляются киргизами прежде всего по ея виду при наружномъ осмотрѣ. Правильность (или удовлетворительность) тѣлосложенія (или склада) лошади признается киргизами весьма различно, смотря по роду назначенія и употребленія лошади, такъ что одна и та же лошадь совершенно правильнаго тѣлосложенія для одного рода употребленія—при другой потребности признается совершенно невыгодною или неспособною.

Бэркъ, джурдэкъ и джюйрыкъ—вотъ виды или сорта, на которые киргизы раздѣляютъ своихъ лошадей.

Бэркъ—крѣпкій, плотный конь, джурдэкъ—конь ходкій, а джюйрыкъ—конь скаковой.

Лошади перваго сорта бываютъ преимущественно небольшого роста, въ большинствѣ случаевъ крѣпкія, жирныя, мясистыя; лошади эти очень лѣнны, съ толстыми ногами, большимъ животомъ; хвостъ, грива и шерсть у нихъ густыя; для быстрой ѣзды онѣ не способны, но при тихой ѣздѣ онѣ неустойчивы. Главное достоинство подобныхъ лошадей заключается въ томъ, что онѣ довольствуются всякимъ, даже негоднымъ, кормомъ и пойломъ, не скоро теряютъ тѣло, а потому и чрезвычайно выносливы—какъ для продолжительной работы, такъ и для перенесенія суровостей зимы и невзгодъ тебеневки. Въ продажѣ эти лошади, вслѣдствіе некрасиваго ихъ вида и маленькаго роста, цѣнятся не очень высоко, но зато въ степномъ хозяйствѣ, при употребленіи для безпрестанныхъ домашнихъ и полевыхъ работъ, онѣ чрезвычайно полезны и даже рѣшительно незаменимы. Получая съ другими одинаковое содержаніе и неся одинаковыя тяжести, одна подобная лошадь можетъ выслужить, не худѣя и не ис-

тощаясь въ тѣлѣ, за двѣ—за три лошади другого сорта. Такія качества этихъ лошадей доставили имъ особенное предпочтеніе у киргизовъ, которые прилагаютъ иногда заботы къ сохраненію и разведенію въ своихъ табунахъ возможно большаго числа лошадей этого разбора.

Джурдэкъ—лошадь средняя между скаковою и крѣпкою. Эти лошади повыше ростомъ и тоньше тѣломъ бэрка. Онѣ считаются однимъ изъ лучшихъ произведеній степнаго коневодства и имѣютъ репутацію неутомимыхъ скакуновъ для верховой продолжительной ѣзды. Побѣжка джурдэка большею частью проворная, скорая и петрякая; лучшія изъ нихъ бываютъ рысисты, вслѣдствіе того, что ихъ упражняютъ постоянно въ ѣздѣ рысью. Когда киргизу нужно переѣхать скоро какое-нибудь дальнее разстояніе или когда онъ пускается, напримѣръ, въ погоню за похитителями его скота, то обыкновенно садится на джурдэка съ полною увѣренностью, что проѣдетъ на этой лошади хоть двѣсти верстъ, не кормя, въ теченіе одного только лѣтняго дня. Изъ опытовъ киргизовъ видно, что на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ этого сорта можно проѣхать до восьмисотъ верстъ въ теченіе пяти сутокъ. Впрочемъ, самый дальній переѣздъ, который можно сдѣлать въ одинъ день на джурдэкѣ, не превышаетъ разстоянія въ двѣсти шестьдесятъ верстъ. Изъ этого вида лошадей преимущественно передъ прочими выдаются лошади чрезвычайно способныя и для упряжной ѣзды; онѣ могутъ возить по цѣлымъ суткамъ тяжести отъ 60 до 70 пудовъ. Джурдэкъ былъ бы болѣе всего удобенъ для кавалерійскаго ремонта, если бы обладалъ нѣсколько болѣе высокимъ ростомъ и аргмакскимъ складомъ. Лошади, подходящія къ этимъ двумъ послѣднимъ условіямъ, называются у киргизовъ сулу-ать (красивая лошадь); онѣ бываютъ преимущественно изъ метисовъ-казанатовъ; шея у нихъ слагается, по выраженію Бабаджанова, съ очень красивымъ зарѣзомъ.

Если у европейцевъ и вообще у цивилизованныхъ народовъ принято считать рысаковъ лучшими представителями упряжныхъ лошадей, то у киргизовъ признается образцомъ или даже идеаломъ верховыхъ лошадей скаковой конь джюй-рыкъ. Сложеніе и наружные признаки скаковыхъ лошадей бываютъ разнообразны. Въ скаковыхъ лошадяхъ киргизы цѣнятъ быстроту бѣга и неутомимость въ продолжительныхъ скачкахъ. Ростъ ихъ можетъ быть всякій, но болѣе рослые и болѣе красивыя изъ нихъ цѣнятся выше. Онѣ заключаютъ въ себѣ качества предыдущихъ сортовъ, но отличаются отъ нихъ быстротой и неутомимостью въ скачкахъ.

Ничего нѣтъ труднѣе познанія въ лошади ея скаковыхъ способностей. Людей, которые могли бы съ точностью опредѣлить эти способности, даже между киргизами насчитывается весьма немного. Малочисленность знатоковъ въ этомъ случаѣ происходитъ не отъ того, чтобы киргизы мало имѣли охоты и стремленія къ обладанію подобными лошадьми, но единственно вслѣдствіе того, что постигнуть и опредѣлить скаковыя способности лошади—чрезвычайно трудная и мудреная задача. Для познанія скаковой лошади не достаточно одного только нагляднаго пониманія правильности ея склада, но для этого необходима еще достаточная опытность въ тренерскомъ искусствѣ. Хорошіе знатоки лошадей и тренеры всегда пользовались между киргизами особеннымъ почетомъ.

Скаковыя лошади у этого народа дѣлятся обыкновенно на три разряда: 1) каргынчиль, 2) качаганчиль и 3) джюй-рыкъ-байгаты; ихъ сложеніе и фигура бываютъ весьма различны, а потому и затруднительно познавать ихъ по одному наружному осмотру или даже по испытанію на скаккѣ безъ предварительнаго тренированія, но общія свойства или признаки, которые требуются киргизскими знатоками отъ скаковыхъ лошадей, слѣдующіе: довольно длинная и не мя-

систая голова, висячія губы, большіе открытыя, огневые глаза, средней величины уши, не особенно длинная, но круглая шея, широкая грудь, не мясистое, но тяжелое туловище, тонкая кожа по всему тѣлу, умѣренные хвостъ и грива, лучшее развитіе мышцъ и сухожилій, узкіе пахи и короткія бабки, длинные голени, прочныя копыта, не длинный и не особенно короткий станъ съ возвышенностью въ крестцѣ, высокая холка, свободныя и правильныя движенія; ростъ же и общая величина не опредѣляются. Каргынчиль—гончая, прыткая на короткую дистанцію (до восьми верстъ) лошадь; такія лошади между киргизами нисколько не цѣнятся, если не имѣютъ свойствъ джурдэка. Качаганчиль—гончая укрючная *) лошадь. На лошадяхъ такого рода ѣздятъ табунщики или гоняются, когда нужно поймать въ табунѣ какую-нибудь лошадь. Онѣ проскакиваютъ очень быстро небольшія разстоянія, но главное ихъ достоинство заключается въ томъ, что онѣ очень поворотливы и смѣтливы; ихъ создаетъ преимущественно хорошая выѣздка опытнаго джигита-табунщика. Этотъ родъ лошадей цѣнится также не высоко, около 45 и 75 рублей за голову. Джюйрыкъ-байгаты или скакунѣ—лошадь способная для скачекъ. Остается сказать еще о карабаирахъ, которые, впрочемъ, рѣдко встрѣчаются въ Тургайской области. Эта порода произошла отъ помѣси киргизской лошади и аргмака (туркменской лошади). Карабаиры крѣпки и статны, на низкихъ ногахъ, широкогруды и употребляются только подъ верхъ.

Хотя коневодство въ Тургайской области, какъ и въ другихъ мѣстахъ киргизской степи, очень распространено, од-

*) Укрючная происходитъ отъ слова укрюкъ, по-киргизски курукъ, которымъ ловятъ лошадей. Это довольно длинный шестъ, а на немъ веревка; одинъ конецъ веревки привязанъ къ концу шеста, а другой къ его серединѣ. Всадникъ догоняетъ ловимую лошадь и накладываетъ ей на шею укрючную петлю.

нако ордынцы не имѣютъ здѣсь понятія о самыхъ даже элементарныхъ началахъ относительно ухода и сбереженія лошади, и эта отрасль народнаго хозяйства предоставлена полному произволу и ведется безъ всякихъ основаній и правилъ, по заведенному изстари порядку. Прежвременныя случки въ табунахъ безъ всякаго подбора производителей и матокъ, а равно лишеніе жеребятъ молока для приготовленія кумыса влекутъ за собою весьма вредныя послѣдствія и уже въ настоящее время замѣтно ведутъ къ постепенному вырожденію степной породы, въ которой есть, какъ мы уже видѣли, не мало дорогихъ качествъ, а главное—быстрота и выносливость. На упадокъ породы степной лошади оказываетъ долю вліянія и то, что при ежегодныхъ торговыхъ сбытахъ изъ степи выводятся лучшіе представители этой породы.

Нельзя сказать, чтобы мы совсѣмъ не принимали никакихъ мѣръ къ улучшенію и развитію въ киргизской степи коневодства.

Въ Тургайской области до послѣдняго времени дѣйствовалъ въ этомъ направленіи или—по крайней мѣрѣ—предполагалось, что въ этомъ направленіи долженъ былъ дѣйствовать Михайловскій конскій заводъ. Заводъ устроенъ былъ княземъ Михаиломъ Долгоруковымъ въ Илецкомъ уѣздѣ, около рѣки Бердянки, на отведенномъ бесплатно въ двадцатичетырехлѣтнее содержаніе участкѣ земли, въ количествѣ 18.000 десятинъ. Цѣлью устройства этого завода было—улучшеніе киргизскихъ породъ лошадей черезъ смѣшеніе съ чистокровными азіатскими породами. Дѣйствія свои заводъ открылъ въ мартѣ 1878 года и къ концу восьмага года по открытіи, т. е. къ концу 1886 года, долженъ былъ имѣть, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 4 марта 1877 года, на каждыя 20 десятинъ по одной лошади, т. е. 900 лошадей, въ томъ числѣ 270 матокъ. Въ 1885 году на заводѣ

было 263 матки, 8 жеребцовъ, 214 мериновъ и 154 жеребенка (самцовъ и самокъ),—всего же 639 лошадей. Условія, предложенныя Долгорукову при открытіи его завода, не были выполнены имъ ни въ 1886 году, ни въ 1887—1888 годахъ, да едва-ли и могли быть выполнены... Въ 1888 году заводъ Долгорукова перешелъ въ вѣдѣніе учрежденнаго имъ товарищества. Слишкомъ большое количество мериновъ ясно показывало, что вниманіе князя обращено было совершенно въ другую сторону... И дѣйствительно, на заводскомъ участкѣ, кромѣ коневодства, производилось хлѣбопашество. Не видя пользы отъ завода, мы усмотрѣли пользу отъ хлѣбопашества, ибо употребляемыя на участкѣ князя земледѣльческія орудія: плуги, сѣялки, паровыя молотилки, сѣнокосилки и пр. знакомили киргизовъ съ усовершенствованными способами обработки земли; князь же, если положить по 3 рубля за десятину, ежегодно получалъ казенную субсудію въ размѣрѣ 54.000 рублей (это было, конечно, недурно). Въ августѣ мѣсяцѣ 1890 года въ «Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣтили слѣдующаго содержанія объявленіе: «Отъ Уфимско-Оренбургскаго Управленія Государственными Имуществами симъ объявляется, что, по распоряженію его, будетъ произведена 11 сентября 1890 г. на Михайловскомъ конскомъ заводѣ, Тургайской области, отстоящемъ отъ г. Оренбурга въ 45 верстахъ, аукціонная продажа 141 заводской лошади (въ томъ числѣ 9 заводскихъ жеребцовъ, 67 матокъ, 40 жеребчиковъ и молодыхъ матокъ, 16 головъ приплода 1890 года и 9 рабочихъ лошадей), а также продажа разнаго движимаго имущества завода, заключающагося въ сбруѣ, экипажахъ и проч». Движимый инвентарь завода былъ окончательно распроданъ 25 и 26 октября 1890 года, а зданія и землю продали государственному коннозаводству для образованія казеннаго разсадника. Со стороны этого коннозаводства еще въ 1886-мъ году открыта

была въ Илецкомъ уѣздѣ, подъ г. Орскомъ, случная конюшня и приведено было 35 жеребцовъ; дѣятельность конюшни открылась въ 1887 году. Въ 1888 году была открыта другая случная конюшня близъ поселка Кустаная, въ Николаевскомъ уѣздѣ. Киргизы Илецкаго и Николаевского уѣздовъ уступили подъ устройство конюшенъ по 30.000 десятинъ.

Устраивая то тамъ, то здѣсь случныя конюшни, государственное коннозаводство стремится улучшить этимъ породу киргизскихъ лошадей и создать изъ степныхъ киргизскихъ табуновъ разсадникъ для комплектованія нашей кавалеріи дешевой, крѣпкой и выносливой лошады. Это начинаніе правительства заслуживаетъ глубокой благодарности, такъ какъ оно, удовлетворяя важнымъ государственнымъ потребностямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно будетъ способствовать развитію благосостоянія въ киргизскомъ народѣ.

4 іюня 1890 года тургайскую конюшню государственнаго коннозаводства, въ Илецкомъ уѣздѣ, осматривалъ министръ Императорскаго двора Воронцовъ-Дашковъ; графъ присутствовалъ на выставкѣ жеребятъ, происшедшихъ отъ случки мѣстной породы матокъ съ заводскими жеребцами; при этомъ розданы были призы—медали, деньги и вещи. Затѣмъ, около 3-хъ часовъ дня, началась скачка и продолжалась почти до 8 часовъ. Скачка была устроена на городскомъ выгонѣ, верстахъ въ 2-хъ отъ города Орска. Къ дню пріѣзда г. министра вся площадь, занимаемая конюшней, буквально была покрыта киргизскимъ скотомъ, пригнаннымъ сюда на показъ; скакуновъ было очень много. Дистанціей для скачки назначили шестиверстный кругъ. Сначала скакали киргизы на обыкновенныхъ лошадяхъ три круга, т. е. 18 верстъ, и сдѣлали, приблизительно, въ 22 минуты; потомъ допущены были казаки и башкиры на лошадяхъ безъ различія возраста и сдѣлали три круга въ 20 минутъ; далѣе скакали по одному кругу киргизскіе трехлѣтки и двух-

лѣтки; четырехлѣтки дѣлали три круга. Призы были выданы на три лошади въ каждой категоріи. Замѣчательно здѣсь было то, что нѣкоторые, прискакавшіе первыми, киргизы не получили призовъ, и досадѣ ихъ не было границъ, но въ томъ сами они были виноваты; для нѣкоторыхъ категорій требовалось уравниеніе вѣса сѣдока до 3-хъ пудовъ, для чего къ сѣдлу прикрѣплялся балластъ; многіе же явились къ призовому столбу безъ балласта и утратили право на полученіе призовъ.

Здѣсь умѣстно войти въ разсужденіе вообще о скачкахъ. Предполагается, что скачки поощряютъ коннозаводство и способствуютъ улучшенію породы лошадей. По нашему мнѣнію, это не больше, какъ недоразумѣніе. Призовыя лошади, какъ скаковыя, такъ и рысистыя, только и пригодны для того чтобы брать призы. Подъ вліяніемъ требованія, чтобы лошадь въ возможно короткое время пробѣжала извѣстное пространство, она совершенно вырождается. Отъ нея требуютъ чрезвычайнаго нервнаго напряженія, и эту нервозность лошадей съ каждымъ годомъ усиливаютъ и совершенствуютъ. По самому своему наружному виду, призовая лошадь представляетъ собою нѣчто совершенно уродливое. Она боится сырости, сквозного вѣтра и по своей конструкціи деликатнѣе барышни добраго стараго времени. Что же можетъ дать подобная лошадь не только для хозяина, но даже и для кавалеріи? Между тѣмъ сотни тысячъ затрачиваются у насъ ежегодно въ видѣ наградъ тѣмъ коннозаводчикамъ, которые сумѣли приспособить своихъ лошадей къ выполненію специфической задачи, согласно требованіямъ, предъявляемымъ условіями скачекъ. Несомнѣнно, что скачки и представляютъ только интересъ для любителей подобнаго спорта. Спортсмены и могли бы ихъ на свой счетъ организовать... Что касается средствъ государственныхъ и общественныхъ, то съ гораздо большею пользою для поощренія отечественнаго коннозаводства

ихъ можно было бы затратить на улучшеніе обыкновенной рабочей и упряжной лошади.

Рогатый скотъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводится въ довольно значительномъ количествѣ, въ общемъ же киргизы Тургайской области имъ не богаты; такое явленіе объясняется тѣмъ, что присмотръ за рогатымъ скотомъ, особенно во время зимы, требуетъ много трудовъ, а выгоды отъ него весьма незначительны, къ тому же и чума часто истребляетъ его. Лѣтъ 190 тому назадъ киргизскія орды совсѣмъ, говорятъ, не имѣли рогатаго скота, а послѣ развели его отъ каракалпакъ и отбили стада у проходившихъ черезъ земли ихъ въ 1774 году изъ Россіи въ Джунгарію калмыковъ. Ростомъ киргизскія коровы низки, сложены некрасиво, но очень крѣпки; молока даютъ немного. Быки — широкогруды и употребляются теперь нерѣдко для обработки земли подъ посѣвы.

Козъ киргизы держатъ только потому, что онѣ служатъ вожакими для стада овецъ, такъ какъ эти послѣднія, по привычкѣ или по ихъ природному свойству, не двигаются съ мѣста, прежде чѣмъ пойдетъ предъ ними нѣсколько козъ. Если козы тронулись, то стадо овецъ ничѣмъ нельзя уже остановить. Вторая польза отъ козы — пухъ. Изъ этого пуха киргизскія женщины готовятъ не только для себя, но и для продажи платки и шарфы, далеко не изящной, впрочемъ, работы.

Весь хозяйственный интересъ киргизовъ заключается въ томъ, чтобы какъ можно менѣе въ теченіе круглаго года кормить скотъ сѣномъ; здѣсь, однако, нельзя не сознаться, что, при такомъ множествѣ овецъ, лошадей, рогатаго скота, козъ и верблюдовъ, какое покрываетъ киргизскія степи, едва-ли и можно продовольствовать скотъ весь сѣномъ, особенно тамъ, гдѣ этого сѣна и накосить не представляется возможности. Сѣно заготавливаютъ киргизы въ самомъ незначитель-

номъ количествѣ и главнымъ образомъ лишь для рогатаго скота и для верблюдовъ; остальной же скотъ—лошади, овцы и козы круглый годъ пасутся въ степи, добывая сами себѣ кормъ и зимою. Этотъ способъ продовольствія стадъ и табуновъ во время зимы называется тебеневкою. Если зима не очень сурова и, по выраженію киргизовъ, благополучна, тебенюють верблюды и рогатый скотъ, которые выпускаются на тебеневочныя мѣста вслѣдъ за лошадьми. Лошади сѣдаютъ обыкновенно верхушки травы, верблюды и скотъ рогатый—середину стеблей, а нижняя часть достается овцамъ, которыхъ выпускаютъ послѣ верблюдовъ. Въ мѣстахъ, гдѣ есть саксаулъ, верблюды и овцы питаются во время зимы иглами саксаула. Само собою разумѣется, что отъ такой весьма скудной пищи животныя не тучнѣютъ, но она поддерживаетъ ихъ жизнь, а въ этомъ заключается все, что нужно для скота киргизовъ, привыкшаго переносить и холодъ и голодъ, жажду и всѣ перемѣны погоды.

При оцѣнкѣ земель своихъ, киргизы дѣлятъ ихъ на двѣ, такъ сказать, категоріи: 1) годныя для зимовокъ и 2) годныя для лѣтнихъ пастбищъ. Для зимовокъ киргизовъ необходимы бываютъ слѣдующія условія: 1) возможность заготовленія пужнаго количества сѣна для верблюдовъ и рогатаго скота, 2) достаточное количество топлива, которое требуется обыкновенно въ подспорье къ кизяку, и 3) тебеневка для лошадей, барановъ и козъ, добывающихъ, какъ мы видѣли, кормъ изъ-подъ снѣга. Въ очень немногихъ мѣстахъ удобства эти бываютъ соединены вмѣстѣ, въ большинствѣ же случаевъ ордынецъ строитъ свою землянку тамъ, гдѣ можно покосить достаточное, по его мнѣнію, количество сѣна и найти топливо, тебенюющей же скотъ—лошадей, овецъ и козъ отпавляетъ на нарочно невытравленные имъ въ лѣтнее время мѣста. Если же скудость кормовыхъ травъ, истребленіе ихъ саранчею или другія какія-нибудь невзгоды

попрепятствуютъ киргизу сохранить собственную тебеневку, то онъ заблаговременно обращается къ ближайшимъ съ ордою сосѣдямъ и условливается съ ними относительно пропуска скота зимою въ ихъ земли.

Камышныя и луговыя мѣста считаются лучшими зимовками; худшими затѣмъ считаются зимовки при пескахъ, какъ по болѣе скудному произрастанію здѣсь травъ на сѣнокосныхъ участкахъ, такъ, въ особенности, по тѣмъ соображеніямъ, что, въ случаѣ суровой и продолжительной зимы, при недостаткѣ заготовленнаго сѣна, киргизы всегда рискуютъ здѣсь подвергнуться неминуемому бѣдствію—лишиться скота, такъ какъ не у кого бываетъ при пескахъ приобрѣтать сѣно; перегонять же исхудалый скотъ для продовольствія на дальнее разстояніе весьма опасно—дорогой можетъ открыться падежъ скота. Съ другой стороны—пески выказываютъ то преимущество, по отношенію къ зимовкамъ киргизовъ, передъ твердымъ грунтомъ, что на нихъ снѣгъ не такъ долго держится, какъ на твердомъ грунтѣ, и растительность такого сорта, что появляется еще при холодахъ—въ началѣ марта.

Лѣтнія пастбищныя мѣста раздѣляются у киргизовъ на два рода: твердый грунтъ—каткылъ и мягкій грунтъ—кунгырь. Твердый грунтъ цѣнится выше мягкаго; онъ состоитъ изъ обыкновенной степной почвы, поросшей болѣе или менѣе сплошнымъ ковыломъ, и изъ солонцеватой, на которой произрастаютъ травы солонцеватыя и особаго рода полынь (джусанъ, кукнекъ, саронгъ, изингъ); на первыхъ пасется скотъ весною, лѣтомъ и осенью, а на послѣднихъ тебенюетъ до самаго появленія свѣжей растительности. Солонцеватые травы и полынь, пока онѣ въ соку, до того горьки, что ѣдятся одними только верблюдами и баранами; послѣ первыхъ же морозовъ горечь въ нихъ значительно пропадаетъ, и онѣ обращаются въ хорошій довольно питательный кормъ для всякаго рода скота.

Какъ лѣтнія пастбища, такъ и тебеневочныя мѣста уничтожаются иногда цѣлыми полосами на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи—первыя саранчою, а послѣднія гололедицей. Эти два бича кочеваго народа до того ему страшны, что пострадавшіе отъ нихъ встрѣчаютъ общее народное сочувствіе, а по мѣрѣ возможности и помощь. Послѣдствія гололедицы гибельнѣе, конечно, нашествія саранчи: среди зимы настанетъ вдругъ оттепель, потомъ ударитъ морозъ, образуется ледъ, и этотъ ледъ не только бараны, но и лошади пробить не въ состояніи; такъ и гибнетъ скотъ отъ голода.

Не мало горя причиняютъ киргизамъ и зимнія выюги—бураны. Уже съ октября мѣсяца начинаются въ степи постоянныя сѣверо-восточныя вѣтры—этотъ страшный бичъ всего живого. Рѣзкій холодъ этихъ воздушныхъ періодическихъ теченій леденитъ почву, вымораживаетъ быстро жалкіе остатки степной флоры, гонитъ и гонитъ кочевника къ его теплымъ зимовкамъ. Въ этотъ періодъ времени, особенно въ началѣ осени, рѣзкіе контрасты между жаромъ дня и холодомъ ночей вредно вліяютъ на здоровье молодыхъ, еще неокрѣпшихъ жеребятъ—въ это время приходится наибольшая цифра убыли молодого конскаго поколѣнія. Въ концѣ ноября морозы усиливаются, выпадаетъ снѣгъ и сплошнымъ бѣлымъ покровомъ застилаетъ безпредѣльную степь. Мохнатыя, понурившіе свои толстыя головы, степняки уныло бродятъ, добывая себѣ изъ-подъ снѣга корешки растений, гложутъ высохшіе стебли, торчащіе изъ-подъ снѣга, оглаживаютъ колючія вѣтки саксаула и джизгана—ихъ крѣпкіе зубы способны выносить эту работу, привычныя желудки способны переваривать бурьянъ и хворостъ, стальныя копыта способны пробивать даже небольшую ледяную кору. За лошадьми, также уныло, бредутъ овцы и козы; онѣ до самой земли расчищаютъ копытцами снѣгъ и доѣдаютъ остатки жалкой тра-

вы. Но это еще ничего—это пол-горя, не настоящее горе: настоящая бѣда приходитъ въ январѣ и въ первой половинѣ февраля. Она палаетъ съ того же сѣверо-востока вмѣстѣ съ чудовищными мятелями—бураномъ! Навѣтъ горы снѣгу, до травы дорыться пелегко, и холодъ донимаетъ лошадей, овецъ и прочій скотъ. Отощаетъ баранъ; кормиться ему нечѣмъ; онъ по вѣтру по степи идетъ, не зная самъ куда, а бураномъ его гонить и гонить.... Сколько овецъ пропадаетъ зимою! Застигнутый на открытомъ мѣстѣ, сбитый съ пути и толку, ошеломленный, одичалый табунъ во время бурана несется зря, гонимый страшнымъ воемъ и ревомъ мятели.... Горе коню, выбившемуся изъ силъ и павшему на бѣгу: черезъ нѣсколько минутъ лишь громадный сугробъ обозначаетъ мѣсто его могилы. Панадется степная балка на пути этой бѣшеной скачки—кони валятся туда, одинъ на другого, и часто жестоко калѣчатся. Все сильное выбирается къ затишью и изнеможенное отдыхаетъ, сбившись въ плотныя кучи, а слабое предоставляется своимъ собственнымъ силамъ, своему собственному счастью....

И долго еще, спустя сутки и болѣе послѣ улегшейся зимней непогоды, тамъ и сямъ въ степи черпѣются разбросанные остатки косяка, мало-по-малу сходясь опять въ общую массу.

Иныя зимы выпадаютъ счастливыя—малоснѣжныя, небуранныя, но зато случаются и такія, что каждый день какая-нибудь невзгода, и послѣ такихъ роковыхъ зимъ, когда проглянетъ весеннее мартовское солнце, быстро сгонить остатки снѣга и льда, вызоветъ изъ-подъ согрѣтой земли первые побѣги молодой зелени, въ отощавшихъ, еле двигающихся табунахъ владѣльцы ихъ находятъ много недочета—легли костями за зиму кони ихъ отъ холода, голода и всякаго калѣчья. Но дивная природа весенней степи быстро залѣчиваетъ раны, быстро насыщаетъ все голодное и также

быстро пополняетъ недочетъ новымъ, веселымъ, рѣзвымъ поколѣніемъ.

Падежъ скота во время зимы отъ бурановъ и вслѣдствіе гололедицы называется у киргизовъ жуть или джуть; отъ джута до джута и развивается скотоводство киргизовъ. Старикамъ изъ нихъ памятенъ доселѣ еще 1851—52 годъ, когда отъ жестокой зимы и бурановъ, свирѣпствовавшихъ главнымъ образомъ въ концѣ октября мѣсяца на вершинахъ рѣкъ Илека, Эмбы и Темира, въ восточной и западной частяхъ малой орды, въ Джагайбайлинскомъ и Дюрткаринскомъ родахъ средней части той же орды погибла масса скота—болѣе 4734 верблюдовъ, болѣе 17739 лошадей, около 12110 головъ рогатаго скота и болѣе 257425 барановъ. Затѣмъ—не менѣе памятенъ старикамъ-киргизамъ и «коянъ жылы»—1856 годъ, когда, вслѣдствіе бурановъ и охватившей большое пространство гололедицы, пало множество скота... Зима 1888—89 годовъ была также очень сурова, и отъ безкормицы въ Казалинскомъ уѣздѣ Сырь-Дарьинской области пало 56970 головъ разнаго рода скота; принявъ во вниманіе, что всего скота за этотъ годъ въ Казалинскомъ уѣздѣ было 552930 головъ, мы должны притти къ заключенію, что отъ джута пало болѣе 10%; но этотъ уронъ блѣднѣетъ передъ урономъ скота, который былъ въ несчастный 1879—80 годъ; тогда пало въ степи болѣе 50% всего скота, что на одну Сырь-Дарьинскую область составляетъ сотни тысячъ головъ. Суровая зима 1880 года за падежемъ скота повлекла, особенно въ Перовскомъ и Туркестанскомъ уѣздахъ, настоящій голодъ. Киргизы, говоритъ Е. Смирновъ, истребивъ въ степяхъ трупы павшихъ животныхъ, толпами шли къ осѣдлымъ пунктамъ, погибая на дорогѣ отъ истощенія, холода и голода...

Такъ вотъ что такое джуть, который преслѣдуетъ кочевника во всякую суровую зиму... Но обратимся къ Тургайской области.

Изумительно суровая, бурная и продолжительная зима 1879—80 годовъ, говоритъ А. И. Оводовъ, поддержанная послѣдствіями полнѣйшаго неурожая и пожаровъ минувшаго лѣта, отозвалась крайне гибельно на киргизахъ Оренбургской степи, и это бѣдствіе ихъ обратило уже на себя справедливое вниманіе мѣстной печати; особенно въ № 16 «Оренбургскаго Листка» корреспонденція изъ Тургай яркими, но вполне вѣрными красками обрисовываетъ постигшее киргизовъ несчастье. Однакоже, картина эта, хотя въ общемъ и даетъ понятіе о бѣдствіи всѣхъ кочевниковъ, но въ подробностяхъ указываетъ на положеніе лишь живущихъ близъ Тургай киргизовъ, между тѣмъ мы, продолжаетъ г. Оводовъ, слышали изъ достовѣрныхъ источниковъ многое о другихъ мѣстностяхъ, а также и о мѣрахъ помощи киргизамъ со стороны органовъ правительства, почему и спѣшимъ подѣлиться съ публикой нашими свѣдѣніями *).

Еще въ іюлѣ прошлаго года, въ предвидѣніи прискорбныхъ послѣдствій чрезвычайной лѣтней засухи, главнымъ начальникомъ Оренбургскаго края былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ кормить массу киргизскаго скота предстоящею зимою и, по собраніи необходимыхъ данныхъ, разрѣшенъ былъ слѣдующими предварительными мѣрами.

Для киргизовъ Николаевского уѣзда, менѣе другихъ въ Тургайской области страдающаго обыкновенно отъ засухъ, какъ по изобилію въ его территоріи водныхъ источниковъ, такъ и по положенію его среди или вблизи русскихъ поселеній, въ которыхъ можно заимствовать продукты для поддержки киргизскаго хозяйства, — оказалось нужнымъ, главнымъ образомъ, открыть свободный доступъ киргизскимъ стадамъ зимою, для пропитанія подножнымъ кормомъ, на земли

*) Рукопись А. И. Оводова, изъ которой приводятся нами выдержки, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, не печаталась, а потому сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія еще неизвѣстны читателямъ.

казаковъ Оренбургскаго войска, что и было сдѣлано по соглашенію подлежащихъ властей. Независимо отъ этого, большинство николаевскихъ киргизовъ, какъ люди зажиточные, сами позаботились арендовать, для тебеневки скота, участки земли въ Троицкомъ и Челябинскомъ уѣздахъ; другіе же отогнали свои стада за Сырь-Дарью, гдѣ зимы вообще бываютъ не такъ суровы, какъ въ Тургайской области, и гдѣ скотъ можетъ безъ особеннаго затрудненія добывать себѣ изъ-подъ снѣга траву; затѣмъ — на прокормъ скота могло быть употреблено сѣно, какъ накошенное въ Николаевскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1879 года въ количествѣ 20000 стоговъ, такъ и довольно значительные общественные запасы сѣна, накопленные въ предыдущіе годы, съ цѣлью употребленія его при неурожаѣ травъ.

Къ кочевникамъ Илецкаго уѣзда, находившимся почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ николаевскими, могли быть применимы такія же мѣры; кромѣ того, киргизы Илецкаго уѣзда воспользовались ссудою изъ капитала въ 25000 рублей, опредѣленнаго на этотъ предметъ; но въ остальныхъ двухъ уѣздахъ, Тургайскомъ и Иргизскомъ, гдѣ климатическія и почвенныя условія всегда были мало благопріятны для киргизовъ, бѣдствіе 1880 года грозило разыгратъ ся съ полною силою, и требовались для борьбы съ нимъ экстраординарныя мѣры.

О томъ, какъ оно разыгралось надъ тургайцами, говорятъ Оводовъ, извѣстно изъ той корреспонденціи «Оренбургскаго Листка», о которой я упоминалъ; положеніе же иргизцевъ, оставшихся на зимовкахъ въ уѣздѣ, ничѣмъ было не лучше, если не хуже. Мы говоримъ, продолжаетъ Оводовъ, объ оставшихся на зимовкахъ потому, что многіе кочевники Иргизскаго уѣзда и въ обыкновенныя зимы, по недостатку вообще корма для скота, уходятъ на югъ, далеко за предѣлы уѣзда, а осенью 1879 года откочевали значительнымъ боль-

шинствомъ въ Сырь-Дарьинскую область и въ хивинскія владѣнія; кромѣ того, тургайцы тѣмъ счастливѣе были пригизцевъ въ годину бѣдствія, что въ своемъ начальникѣ, вѣсми уважаемомъ, а киргизами любимомъ Я. П. Яковлевѣ, — не говоря объ его энергической распорядительности и постоянной готовности ко всякой матеріальной помощи, — они видѣли высокую нравственную поддержку *). Здѣсь слѣдуетъ сказать относительно тургайцевъ, что и изъ нихъ не малая часть, подобно кочевникамъ Иргизскаго уѣзда, переходитъ на зиму въ Перовскій уѣздъ Сырь-Дарьинской области; къ зимѣ же 1879—80 года въ этомъ передвиженіи представились нѣкоторыя затрудненія, по случаю междоусобныхъ неудовольствій; пренятствія, однако, были устранены обмѣномъ телеграммъ между главными начальниками Оренбургскаго и Туркестанскаго края еще въ октябрѣ 1879 года, и скотъ тургайскихъ киргизовъ, въ количествѣ болѣе 200000 головъ, былъ безъ затрудненія размѣщенъ на территоріи Перовскаго уѣзда.

Въ Иргизскомъ уѣздѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 года холода доходили до 21°R и даже въ началѣ апрѣля, по почамъ, было -10°R ; бураны въ это время не прекращались; отъ этого земля до 8 апрѣля не освобождалась отъ снѣга, чтобы дать скоту возможность добывать безъ труда хотя бы и скудную траву. Между тѣмъ, послѣ обыкновенныхъ зимъ, киргизскія стада уже въ половинѣ марта пользуются свѣжимъ кормомъ. Обезсиленный зимнимъ голоданьемъ, ураганами и холодомъ, будучи не въ состояніи по веснѣ пробивать заледѣвшую снѣжную кору слабымъ своимъ копытомъ, чтобы достать ничтожные остатки травы, скотъ падалъ въ невѣроятномъ количествѣ, и это давало вѣроятность

*) Если не ошибаемся, г. Яковлевъ служить и донынѣ; киргизы называютъ его бзынъ-картъ, что переводится буквально «нашъ старикъ», а понимается въ смыслѣ — нашъ родной старикъ, нашъ отецъ.

заключенію, что едва-ли самая ничтожная часть его уцѣлѣть къ лѣту. Такое бѣдствіе неотвратимо при кочевомъ бытѣ киргизовъ; бороться съ нимъ почти совсѣмъ нѣтъ пока никакихъ средствъ ни у киргизовъ, ни у правительства. Послѣднее должно было взять на себя единственно возможную для него, помимо тѣхъ мѣръ, какія были указаны, заботу о прокормленіи самого народа, потому что съ гибелью скота, заключающаго въ себѣ почти все богатство киргизовъ, они лишались и средствъ пропитанія. Бездорожье отъ глубокаго обильнаго снѣга и бурановъ, всеобщее истощеніе скота—все это лишало киргизовъ возможности имѣть хлѣбъ привозный, и киргизы сотнями умирали отъ голода. Намъ рассказывали, говорить А. И. Оводовъ, слѣдующіе два случая, характеризующіе это безысходное положеніе киргизовъ. Одинъ тургаецъ, поѣхавшій въ ноябрѣ за мукою въ пограничныя казачьи селенія, закупилъ 100 пудовъ муки и, навьючивъ ее на взятыхъ съ собою 5 верблюдовъ, отправился домой, но на пути, еще не доѣзжая до предѣловъ Тургайскаго уѣзда, лишился отъ бурановъ и безкормицы 3-хъ верблюдовъ, а остальные два совершенно обезсилѣли. Не имѣя денегъ на наемъ подводъ для дальнѣйшей перевозки выюка, киргизъ долженъ былъ расплачиваться самою мукою, такъ что привезъ домой только 10 пудовъ. Другой случай былъ въ Тургаѣ же. Мѣстные жители собрались было въ февралѣ послать за покупкой муки своихъ довѣренныхъ съ деньгами въ русскія селенія, но какъ ни бились, ничего не могли подѣлать, потому что не нашли возчиковъ: скотъ у всѣхъ до того исхудалъ и ослабѣлъ, что не только не могъ перевозить тяжести, но едва былъ въ состояніи поддерживать на ногахъ тяжесть своего тѣла.

Выше было сказано, что все вниманіе правительства могло быть устремлено въ 1879—80 году лишь на обезпеченіе народнаго продовольствія. Такъ, дѣйствительно, и было;

посчастливилось при этомъ болѣе другихъ тургайцамъ: мѣстный воинскій продовольственный магазинъ оказался благодѣтельнымъ источникомъ съ своими запасами питательныхъ продуктовъ; изъ магазина этого отпущено было, въ видѣ займа, голодающимъ киргизамъ 200 четвертей муки, 150 четв. сухарей, 60 четв. крупы и 180 четв. овса—всего на 7000 рублей. Такъ какъ продовольствія изъ воинскаго магазина могло быть недостаточно, то, несмотря на весьма большія затрудненія въ перевозкѣ, еще былъ закупленъ хлѣбъ для Тургая въ г. Троицкѣ на сумму съ перевозкой до 7000 рублей. Изъ иргизскаго продовольственнаго магазина, по недостатку въ немъ запаса хлѣба для воинскихъ чиновъ, можно было исхлопотать только 30 четвертей крупы. Хлѣбъ для Иргиза закупался въ Оренбургѣ (на 5000 рублей) и въ Орскѣ (на 2000 рублей). Независимо отъ этой помощи, такъ сказать, натурою, нуждающимся раздавались денежные ссуды: въ Тургаѣ до 5000 рублей и въ Иргизѣ до 10000 рублей; затѣмъ, въ распоряженіи мѣстныхъ органовъ правительства оставалась еще нѣкоторая сумма на случай крайней необходимости въ дальнѣйшей помощи, особенно для обмѣненія полей, изъ Высочайше разрѣшенной ссуды киргизамъ въ 40000 рублей. И все это не спасло отъ разоренія и голодной смерти сотенъ и тысячъ людей, погибшихъ среди обширныхъ степей Тургайской области.... Кто былъ богатъ, сталъ бѣдѣть, а бѣдные легли костью. Борьба съ джудомъ почти нѣтъ никакой, повторяемъ, возможности. Дѣло, именно, въ томъ и заключается, что человѣческихъ силъ не хватило бы на обезпеченіе въ зиму, хотя бы сѣномъ, того громаднаго числа скота, которымъ владѣютъ киргизы, да и степные луга не могутъ дать такой массы сѣна; съ другой стороны, при кочевомъ образѣ жизни киргизовъ, самое заготовленіе и храненіе сѣна представляется во многихъ случаяхъ невозможнымъ. Оно производится

лишь тамъ, гдѣ киргизы ведутъ полукочевую жизнь, какъ напр. въ Николаевскомъ, Илецкомъ и отчасти въ Тургайскомъ уѣздахъ. Здѣсь, кромѣ того, что киргизъ-хозяинъ запасаетъ себѣ сѣно, сколько можетъ, существуютъ общественныя сѣнные запасы. Совсѣмъ не то въ другихъ мѣстахъ Тургайской области... Отъ чего же зависитъ это явленіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ О. Ш. въ статьѣ своей «Средне-азіатскія варіаціи на міровую тему». Хотя отвѣтъ его и не прибавитъ собою для читателя ничего новаго къ уже высказанному, но онъ подтвердитъ собою это высказанное. Въ октябрѣ и ноябрѣ 1888 года, говоритъ О. Ш., мнѣ пришлось проѣхать черезъ степь отъ Орска до Казалинска не по почтовому тракту, а по киргизскимъ ауламъ. Сотни ауловъ встрѣчались мнѣ на пути, я видѣлъ сотни киргизскихъ семействъ; одни и тѣ же типы киргизовъ встрѣчались мнѣ, и однако не одно и то же я видѣлъ отношеніе къ скоту. Въ Илецкомъ уѣздѣ Тургайской области я повсюду встрѣчалъ, продолжаетъ О. Ш., теплыя глинобитныя землянки киргизовъ, окруженныя крытыми сараями для скота и стогами запасеннаго на зиму сѣна. Картина такихъ зимовокъ прекратилась, только въѣхавъ я въ Иргизскій уѣздъ и особенно Казалинскій. Тутъ уже не встрѣчались мнѣ землянки съ запасами сѣна; однѣ только юрты съ чіевымъ загонномъ для скота на почлегъ и—ни былинки запаса сѣна!

Вѣдь тотъ же киргизъ, говоритъ О. Ш., кочуетъ по илецкой степи, какой кочуетъ и по сыръ-дарьинской, а между тѣмъ какъ рѣзко измѣняется его отношеніе къ скоту. Неужели же, спрашиваетъ онъ, киргизъ сыръ-дарьинской степи болѣе нерадивъ и безпеченъ, чѣмъ киргизъ илецкой степи? Причиною такихъ діаметрально противоположныхъ отношеній киргиза къ скоту являются не старательность одного и лѣнь другого, а тѣ условія, въ которыхъ они находятся. Когда къ услугамъ одного разстилаются безбрежныя травя-

нистыя степи по рѣкамъ Илеку, Уйсыйль-Карѣ и Ори, къ услугамъ другого — скудная растительность Кара-Кумъ и остальной сырѣ-дарьинской степи. Когда одинъ можетъ на одномъ и томъ же пространствѣ не только пасти свой скотъ съ ранней весны и до поздней осени, но даже и накосить этой травы на зиму, второй можетъ съ грѣхомъ пополамъ пропаста на подножномъ корму свой скотъ, перегоняя его на стоверетномъ разстояніи, а о запасѣ сѣна и думать ему печего. Какія же тутъ могутъ быть заботы о крытыхъ загонахъ на зиму и о запасѣ сѣна, когда траву только и могутъ эксплоатировать копыта да зубы животныхъ? Вотъ въ этихъ-то разнообразныхъ природныхъ условіяхъ и лежать тѣ обстоятельства, что киргизъ илецкой степи можетъ дѣлать запасы сѣна на зиму, а киргизъ сырѣ-дарьинской степи и киргизской не можетъ, потому что къ услугамъ одного роскошныя степи, а къ услугамъ другого безводныя Кара-Кумы съ рѣдкою растительностью.

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, пишущій эти строки, г. Оводовъ и О. III. въ сущности все мы приходимъ къ одному заключенію, что обиліе скота, скудная растительность степи и невозможность, влѣдствіе этого, дѣлать достаточныя запасы сѣна на зиму — вотъ та почва, на которой полное раздолье для джута, съ корнемъ разрушающаго отъ времени до времени благосостояніе населенія киргизскихъ степей, и такое необезпеченное положеніе нашихъ кочевниковъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мы, русскіе, не явимся на помощь этимъ обитателямъ безводныхъ равнинъ.

Въ 1884—85—86 и 87 годахъ киргизскій скотъ зимовать благополучно, такъ-какъ ни глубокихъ снѣговъ, ни гололедицы не было. Правда, въ 1885 году въ Кумакевой волости Николаевского уѣзда и въ прилегающихъ къ Уралу волостяхъ Илецкаго уѣзда въ ноябрѣ и декабрѣ выпалъ

очень глубокой снѣгъ, но это не отразилось дурно на киргизскомъ скотѣ, такъ-какъ онъ частью былъ отогнанъ въ другія болѣе благоприятныя для тебеневки мѣстности, а частью содержался на приготовленномъ кормѣ.

По приблизительному исчисленію, общее количество всѣхъ породъ скота у кочевниковъ Тургайской области въ 1883 году опредѣлялось въ 2.019.670 головъ; въ 1884 году въ Илецкомъ уѣздѣ насчитывали 451.000 головъ, въ Николаевскомъ—948.958, въ Иргизскомъ—270.571 и въ Тургайскомъ—497.706, а всего 2.168.235 головъ, на 148.565 головъ болѣе, чѣмъ въ 1883 году. Въ 1885 году въ Тургайской области считалось 132.577 верблюдовъ, 595.592 лошади, 297.794 головы рогатаго скота, 1.002.321 шт. овецъ и барановъ, 77.485 козъ, а всего 2.105.769 головъ; въ 1886 году: 134.828 верблюдовъ, 565.760 лошадей, 271.323 головы рогатаго скота, 1.118.905 овецъ и барановъ, 80.077 козъ, а всего 2.266.169 головъ; въ 1887 году: 137.625 верблюдовъ, 586.254 лошади, 269.643 головы рогатаго скота и 93.385 козъ, а всего 2.266.173 головы; въ 1888 году: 144.981 верблюды, 559.202 лошади, 283.979 головъ рогатаго скота, 1.373.892 шт. барановъ и 112.031 коза, а всего 2.474.085 головъ.

На каждую душу киргизскаго населенія Тургайской области въ періодъ времени съ 1883 года по 1888-й приходилось, въ общемъ, по $5\frac{1}{2}$, по 6, $6\frac{1}{2}$ и по 7 головъ; средней руки состоятельный киргизъ имѣлъ 20 овецъ, 7—8 лошадей, 3—4 коровы и 2 верблюда.

Кромѣ гололедицы, бурановъ и продолжительныхъ зимъ съ глубокими снѣгами, много заботъ и огорченій приносятъ киргизамъ чума и волки.

Повальные болѣзни домашнихъ животныхъ представляютъ

опасность не только въ отношеніи подрыва сельскаго хозяйства, но и въ отношеніи вреднаго ихъ вліянія на здоровье людей, питающихся животною пищею. Новѣйшая эпидемиологія представляетъ много доводовъ за связь инфекціонныхъ заболѣваній человѣка съ потребленіемъ мясныхъ и молочныхъ продуктовъ, хотя и свѣжихъ по наружному виду, но полученныхъ отъ больныхъ или истощенныхъ животныхъ. Связь эта въ особенности признана въ брюшномъ тифѣ, дифтеріи и даже въ скарлатинѣ. Эти данныя побуждаютъ привлечь къ борьбѣ съ эпизоотіями преимущественно сельское населеніе и противодействовать послѣднему въ его стремленіяхъ утилизировать мясные и молочные продукты больного или истощеннаго домашняго скота. Къ сожалѣнію, инородческое населеніе какъ Тургайской области, такъ и другихъ не стѣсняется питаться почти падалью и развѣ въ отдаленномъ будущемъ усвоить правильній взглядъ на опасность этого.

Въ 1884 году въ Илецкомъ уѣздѣ пало отъ чумы 113 головъ рогатаго скота, въ Иргизскомъ 238, въ Николаевскомъ 35, въ Тургайскомъ 11; кромѣ того, въ Иргизскомъ уѣздѣ пало отъ оспы 250 головъ мелкаго скота. Нѣтъ сомнѣнія, что приведенныя цифры много ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ киргизы не заявляютъ о всѣхъ случаяхъ заболѣваній скота, чтобы избавиться ветеринарно-полицейскихъ мѣръ. Въ 1885 году чума на рогатомъ скотѣ была въ трехъ уѣздахъ Тургайской области: въ Илецкомъ, Иргизскомъ и въ Тургайскомъ; въ первомъ пало 165 головъ, во второмъ 14, а въ третьемъ 48, всего же пало 227 головъ. Въ 1886 году чумы не было, но въ Иргизѣ въ іюнѣ этого года появился на рогатомъ скотѣ дифтеритъ въ полости рта; болѣзнь продолжалась до половины сентября; больныхъ животныхъ было 131, 95 пало, а 36 выздоровѣло. Въ 1887 году чума была во всѣхъ уѣздахъ Тургайской области, болѣло 204

головы, пало 126. Борьба съ чумою въ 1888 году можетъ быть раздѣлена на два періода; въ первый изъ нихъ, до ноября мѣсяца, она велась при помощи только карантинныхъ мѣръ, а съ этого времени, во второмъ періодѣ, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, была примѣнена временно мѣра убиванія зачумленныхъ и подозрительныхъ животныхъ. Въ первый періодъ въ Илецкомъ, Николаевскомъ и Тургайскомъ уѣздахъ болѣло 1194 головы рогатаго скота, пало 745, а выздоровѣло 449; во второй періодъ въ Илецкомъ и Николаевскомъ уѣздахъ заболѣло 242 головы, пало 48, убито 160, а выздоровѣло 34. Въ 1888 году были случаи заболѣванія скота и сибирскою язвой.

Волки истребляютъ ежегодно въ Тургайской области тысячи скота, особенно же барановъ. Главнымъ средствомъ для борьбы съ ними служатъ стрихнинныя пилюли; благодаря этимъ пилюлямъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ волковъ удалось почти совершенно истребить.

Какъ ни многочисленны кажутся стада крупныхъ владѣльцевъ-киргизовъ, какъ ни развито, повидимому, скотоводство между ордынцами, во всякомъ случаѣ, говоритъ Костенко, оно ниже, чѣмъ у населеній осѣдлыхъ. Можно смѣло сказать, продолжаетъ тотъ же писатель, что въ самыхъ бѣдныхъ скотомъ мѣстностяхъ Европейской Россіи его все-таки гораздо больше, чѣмъ у обитателей киргизскихъ степей, если возьмемъ извѣстный опредѣленный районъ. Причина заключается, какъ мы уже видѣли и какъ объ этомъ говоритъ не разъ Костенко, въ непрочности богатства кочевника. Чтобы сдѣлать это богатство болѣе прочнымъ и обезпеченнымъ, необходимо перейти къ земледѣлію, къ этому почти единственному источнику благосостоянія культурныхъ народовъ. Съ удовольствіемъ намъ приходится отмѣтить здѣсь тотъ

фактъ, что киргизы Тургайской области, особенно въ Николаевскомъ уѣздѣ, сознали всю важность и значеніе земледѣлія въ дѣлѣ экономическаго ихъ быта; оставляя понемногу скотоводство, они съ охотою стали браться за обработку земли; даже въ мѣстностяхъ, лежащихъ южнѣе пятидесятой параллели, какъ напр. въ нѣкоторыхъ волостяхъ Тургайскаго уѣзда, киргизы обратились къ земледѣлію и приучились искусственно орошать свои поля посредствомъ чигирей. Можетъ быть, хлѣбопашество въ Тургайской области приняло бы теперь достойные удивленія размѣры, если бы мы сами постоянно стремились къ тому, чтобы оно развивалось между ордынцами. Къ несчастью, у насъ довольно долго существовало странное средство удерживать киргизовъ въ подчиненіи Россіи. Наша администрація ужасно боялась стремленій этого народа къ земледѣлію и всеми мѣрами старалась ставить преграды такого рода стремленіямъ. Думали, что, не допуская киргизовъ до земледѣлія, можно поставить ихъ въ прямую зависимость отъ Россіи и тѣмъ держать степь въ покорности. Отказомъ въ продажѣ имъ хлѣба съ линіи представлялось возможнымъ, въ нужныхъ случаяхъ, обуздывать строптивость этого буйнаго и непокорливаго народа. Такого мнѣнія держались между прочимъ управлявшіе Оренбургскимъ краемъ Сухтеленъ и Перовскій; такого же мнѣнія, на первыхъ порахъ своей дѣятельности, держался и Григорьевъ, этотъ умнѣйшій человекъ; впоследствии онъ, какъ и слѣдовало ожидать, перемѣнилъ свой взглядъ и свои дѣйствія по отношенію къ столь важному вопросу, какъ развитіе земледѣлія въ киргизской степи. Врагъ всякихъ крутыхъ мѣръ и радикальныхъ передѣлокъ въ установившихся порядкахъ, Григорьевъ признавалъ пользу только тѣхъ реформъ, которыя снимаютъ путы, мѣшающія свободному развитію народовъ. Если вести киргизовъ къ гражданственности, говорилъ онъ, то путемъ не насильственнымъ, а мирнымъ, тихимъ.

Въ цѣломъ рядъ официальныхъ бумагъ онъ доказывалъ, что лишать кочевниковъ средствъ къ существованію и улучшенію своего быта не только безчеловѣчно, но и въ государственномъ отношеніи невыгодно, что существуютъ другія и притомъ болѣе надежныя средства держать степь въ покорности... Но обратимся къ Сухтелену съ Перовскимъ. Вступивъ въ управленіе Оренбургскимъ краемъ въ 1830-мъ году, графъ Сухтеленъ въ особой запискѣ формулировалъ свое мнѣніе о необходимости удерживать киргизовъ отъ занятія земледѣіемъ, и эта записка послужила какъ бы программой всей послѣдующей системы управленія киргизами. При Василии Алексѣвичѣ Перовскомъ система эта опредѣлилась болѣе точно: киргизская степь стала къ Россіи въ отношеніи колоніи къ своей метрополіи и начала управляться на основаніи господствовавшихъ у насъ тогда понятій объ управленіи колоніями. Какъ доказательство того, съ какою ревностью поддерживалась подобная система, можно привести фактъ, что уже въ 1854 году было сдѣлано пограничной комиссіи строгое замѣчаніе за то, что она въ время не запретила строить за Ураломъ землянки. Не смотря, однако, на административныя препятствія, не смотря на то, что въ киргизскихъ степяхъ ничто не вызывало кочевниковъ къ земледѣію (земель способныхъ къ воздѣлыванію очень мало, лѣсовъ нѣтъ вовсе),—киргизы все-таки начали заниматься земледѣіемъ. Когда Василий Васильевичъ Григорьевъ, послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ въ степь, убѣдился, что земледѣіе является для киргизовъ жизненною потребностью, явившеюся вслѣдствіе сознанія, и народъ собственнымъ умомъ сталъ приискивать средства къ удовлетворенію ея, а потому всѣ препятствія этому стремленію ничего, кромѣ вреда, принести не могутъ, тогда-то онъ перемѣнилъ свое мнѣніе, навѣянное Перовскимъ, что киргизы полезны Россіи только стадами своими.

О началѣ и развитіи хлѣбопашества въ Тургайской области довольно подробно говоритъ въ статьѣ своей «О хлѣбопашествѣ на рѣкѣ Тургаѣ» султанъ Сейдалинь 2-й. Къ статьѣ этой мы и обратимся.

Занятіе земледѣліемъ между притургайскими киргизами, по рассказамъ старожилловъ, говоритъ султанъ, относится къ началу нынѣшняго столѣтія и тѣсно связано съ именемъ киргиза Сеить-Кула, родомъ кипчака изъ Китаба-Тургайгырскаго отдѣленія, изъ под-отдѣленія Кара, жившаго въ промежутокъ времени 1770-хъ по 1830-ые годы. Съ рѣдкимъ отъ природы умомъ, какъ говорятъ старожилы кипчаки и аргыны, киргизъ этотъ почти еще юношею обратилъ свое вниманіе на положеніе родины и, увидѣвъ ее въ подданствѣ Россіи да въ опасномъ сосѣдствѣ съ сильными, относительно ея, ханствами Средней Азіи, ни къ одному изъ нихъ не возымѣлъ дружелюбнаго чувства. Какъ истинный сынъ свободы, онъ понялъ, что сохраненіе послѣдней для молодого киргизскаго народа невозможно среди такихъ опасныхъ сосѣдей и началъ мечтать объ отысканіи ему вдали отъ нихъ свободной страны, о переводѣ туда кочевой своей родины и объ освобожденіи ея такимъ образомъ отъ всякаго ига чуждыхъ націй, а въ особенности Россіи, слывшей тогда страшною кафрскою страной. Въ этихъ мечтахъ, съ цѣлью освобожденія родины отъ посторонняго владычества, онъ покинулъ на произволъ судьбы дѣтей и родныхъ, отправился, въ товариществѣ 12-ти человѣкъ, за предварительнымъ отысканіемъ свободныхъ и способныхъ для кочевому народа мѣстъ, въ глубину Азіи, гдѣ пространствовалъ нѣсколько лѣтъ и нигдѣ не найдя страны, соотвѣтствующей его цѣли, возвратился къ себѣ на родину, на Тургай, уже съ твердымъ намѣреніемъ не покидать ее впредь. Сколько ни ѣздилъ онъ по свѣту, сколько ни посѣщалъ чужихъ

странъ *), однако нигдѣ не нашелъ такого простора и раздолья, какимъ наслаждались его соплеменники въ широко раскинувшихся степяхъ 62 Тургаевъ и 32 Улькойяковъ, какъ выражаются киргизы для означенія однимъ этимъ выраженіемъ разомъ всей тургайской рѣчной системы: вездѣ въ посѣщенныхъ имъ странахъ онъ натыкался на осѣдлую жизнь и на многолюдные города, гдѣ, вмѣсто свободы, которую онъ искалъ, господствовала власть, отъ которой онъ бѣжалъ. Этотъ камень преткновенія, попадавшійся ему вездѣ на пути его странствованія, разрушилъ первоначальный его планъ, окончательно разсѣялъ его мечты и вмѣсто несбыточностей вложилъ въ умную голову его другую, болѣе осуществимую и полезную идею объ ознакомленіи родины съ занятіями осѣдлыхъ странъ, а въ особенности со способами воздѣлыванія земли подъ хлѣбопашество и огороды. Сопоставивъ почву собственныхъ степей съ почвою посѣщенныхъ имъ странъ, онъ вывезъ изъ нихъ всѣ тѣ сѣмена, которыя казались ему способными приняться на родной его почвѣ. Такимъ образомъ сѣмена пшеницы, проса, джугери (кукурузы), арбузовъ, дынь, луку, моркови, тыквы, урюку и винограда впервые привезены были въ нашу степь, говорить Сейдалинь, Сеить-Куломъ около 1800-го года и посѣяны имъ впервые по рукаву рѣки Тургая—Кабыргѣ, на урочищѣ Кара-Кутѣ, что въ 50-ти верстахъ выше Оренбургскаго укрѣпленія (нынѣ г. Тургая), гдѣ и по сіе время занятіе хлѣбопашествомъ идетъ весьма успѣшно. Кромѣ урюка и винограда, всѣ опыты сѣянія Сеить-Кула удались отлично, но только при усиленной поливкѣ. Успѣхъ предпріятія до того поощрилъ предпринимателя, что онъ, не смотря на господствовавшія въ то время междоусобія, баранты и хищничества въ степи, отдѣ-

*) Изъ посѣщенныхъ имъ странъ киргизы называютъ: Китай, всю Среднюю Азію, Джидели-Байсынъ, Итъ-Эли и еще одну, гдѣ необыкновенно дороги иглы.

лился съ немногими товарищами отъ кочующей массы родовичей и предался занятію хлѣбопашествомъ съ такою любовью и усердіемъ, что ни безпрестанныя нападенія рыскавшихъ повсюду хищниковъ, ни ежедневныя почти отбарантовыванія у него послѣдняго рабочаго скота—ничто не удержало его отъ стремленія къ неслыханному дотолѣ въ его родинѣ мирному труду. Учащавшіеся почти съ каждымъ днемъ хищническіе набѣги не только не отбили въ немъ мужества и охоты къ земледѣлію, но, напротивъ, прибавили въ немъ энергіи и подали ему мысль о болѣе вѣрныхъ способахъ къ оборонѣ отъ барантачей; съ этою цѣлью онъ выстроилъ небольшую крѣпость изъ земляного вала и съ довольно глубокимъ рвомъ, —крѣпость, которой развалины съ ясными еще слѣдами, подъ именемъ Сеить-Куловскаго кургана, существуютъ до сихъ поръ. Жилища или кибитки небольшого товарищества игинчей ставились или помѣщались внутри укрѣпленія, откуда люди для полевыхъ работъ выходили только днемъ и съ предосторожностями. Съ устройствомъ этого укрѣпленія, опасность если не вовсе миновала, то по крайней мѣрѣ настолько уменьшилась, что къ нему начали стекаться и присоединяться отъ кочующей массы Турайгырь-Кипчакскаго рода тѣ киргизы, которые грабежами, барантою и падежами скота отъ суровыхъ зимъ доведены были до невозможности кочевать,—они искали подъ защитою Сеить-Кулова укрѣпленія и въ ремеслѣ его средствъ къ дальнѣйшему существованію. Примѣръ Сеить-Кула нашелъ себѣ подражателей не въ однихъ только однородцахъ его—Кипчакахъ и не на одной только Кара-Кугѣ, но и въ ордынцахъ на разныхъ пунктахъ степи, кромѣ тѣхъ частей ея, которыя прилегали къ линіи и въ которыхъ дѣятельность киргизовъ направлена была не къ земледѣлію, а къ торговлѣ и солепромышленности. Такъ почти въ одно время съ Кара-Кугою хлѣбопашество явилось и у урочища Сары-

Копа при устьѣ р. Теке, у Наурузумскаго бора по рѣчкѣ Наурузумъ-Кара-Су и въ окрестностяхъ озеръ Джаксыбай и Санкибай. Такое подражаніе не только въ однородцахъ, но и въ другихъ киргизахъ было лучшимъ поощреніемъ для Сеить-Кула и, ободривъ еще болѣе, внушило ему идею о заведеніи на Кара-Кугѣ прочной осѣдлости навсегда, объ основаніи здѣсь города и объ устройствѣ при послѣднемъ для кочевыхъ своихъ родовичей хлѣбнаго рынка, въ какихъ намѣреніяхъ онъ, впрочемъ, не успѣлъ, похищенный преждевременною смертію около 1830-хъ годовъ. Онъ убитъ былъ чумекейскими хищниками-барантачами, напавшими на предводителя игинчей въ то самое время, когда онъ стоялъ на одной изъ пятивременныхъ молитвъ. Сеить-Кулъ имѣлъ время избѣжать хищниковъ, если бы хотѣлъ нарушить молитву, но онъ считалъ это малодушіемъ и остался неподвиженъ въ виду даже вѣрной смерти.

До самой смерти своей Сеить-Кулъ дѣйствовалъ въ этихъ видахъ и остался вѣренъ своему дѣлу, не остановившемуся, впрочемъ, и послѣ него, такъ какъ товарищи или ученики его продолжали дѣло это и по смерти своего учителя съ неменьшимъ жаромъ и любовью. Такимъ образомъ занесенныя Сеить-Куломъ на Тургай агрономическія начала, не смотря на всѣ неблагопріятствовавшія введенію ихъ обстоятельства, при неурядицѣ въ степи и насиліи повсюду, естественно отбивающемъ въ труженикѣ всякую охоту къ честному труду, не только не погибли, но напротивъ того—привились очень прочно.

О томъ, до какой степени и какъ сильно задерживался успѣхъ земледѣлія существовавшими въ степи при началѣ введенія хлѣбопашества междоусобными барантами, можно судить по тому, что въ тридцатилѣтній періодъ времени отъ 1800 до 1830-хъ годовъ, около которыхъ убитъ былъ Сеить-Кулъ, число игинчей, или хлѣбопашцевъ, на Кара-Кугѣ едва возросло до 80 кибитокъ; въ слѣдующее затѣмъ деся-

тиѣтіе, т. е. въ тотъ промежутокъ времени, когда особенно усилились грабежи мятежнаго султана Кенисары Касымова, число игинчей не прибыло нисколько и осталось то же, что было десять лѣтъ тому назадъ; но съ 1846 года, когда съ возведеніемъ на Тургаѣ Оренбургскаго укрѣпленія вполнѣ упрочилось въ степи русское вліяніе и окончательно пресѣклись мятежныя дѣйствія Кенисары, вынужденнаго неутѣмимыми преслѣдованіями русскихъ отрядовъ удалиться изъ нашихъ предѣловъ къ дикокаменнымъ киргизамъ, въ войнѣ съ которыми и погибъ онъ почти со всѣми его приверженцами,—число игинчей прибавилось и росло такъ быстро, что въ 1866 году по теченію рѣки Тургая ихъ считалось уже около 500 кибитокъ, а по всей тургайской рѣчной системѣ и въ смежныхъ съ бассейномъ этой рѣки мѣстахъ до 900 семействъ.

Земледѣліе, до 1846 года ограничивавшееся лишь Кара-Кугою, окрестностями Сары-Купы и Наурузума съ озерами Санкибай и Джаксыбай, съ этихъ поръ, т. е. съ окончательнымъ водвореніемъ спокойствія въ области, начинаетъ распространяться повсюду—и вверхъ, и внизъ по рѣкамъ Тургаю, Джалдамъ, Улькаюку и Кабыргѣ. Всякій степной киргизъ, испытавшій неудачу въ занятіи скотоводствомъ, пробовалъ счастья въ земледѣліи. Такимъ образомъ лежащія по Тургаю урочища: Кумъ-Кичу, Догалъ, по Джалдамъ—Батпаккара, Сунтай, Сюлюкти и другія, по Улькаюку—Сары-Узекъ, Чутпасъ и Кумъ-Куль, по Кабыргѣ урочище Джаильма, близъ Наурузума озеро Сулы-Копа, близъ Сары-Купы озера Ульджакуль-Татимекъ, Косъ-Копа, Кайгы и противъ Оренбургскаго укрѣпленія, за Тургаемъ, озеро Чупти-Куль-Кубей,—стали понемногу мѣстами такой же земледѣльческой дѣятельности, какъ и Кара-Куга.

Въ 1866 году киргизами было засѣяно по рѣкѣ Тургаю до 1200 десятинъ, которыя поливались 1116 чигирями.

а) Собственно по р. Тургаю:

	Число десятинъ	Число чигирей
На Кара-Кугъ съ ея окрестностями	310	416
На Кумъ-Кичу и Байгабылъ	126	120
На Токанаъ	90	73
На Догадъ, Сулыкамышъ и Батпаккаръ	353	300
На Сумалъ-Кулъ, Сунтаъ, Сюлюктъ и по рѣкѣ Джалдамъ	306	200
По Кара-Тургаю	15	7
Итого	1200	1116

б) Число десятинъ и чигирей по другимъ мѣстамъ тургайскаго бассейна:

	Число десятинъ	Число чигирей
На Ульджакулъ-Татимекъ	130	60
Въ окрестностяхъ Сары-Купы	170	80
На Кайгъ	35	15
Въ устьяхъ и по теченію рѣки Улькаюка въ разныхъ урочищахъ	80	34
По рѣкѣ Кабыргъ на урочищѣ Джапльмъ	170	70
На урочищѣ Чукуркуль-Кубеъ	57	20
Итого	642	279

в) Пашни и чигири въ окрестностяхъ Наурузумскаго бора:

	Число десятинъ	Число чигирей
По рѣкѣ Кара-Су	146	47
На Сулы-Копъ	63	»
На Санкибаъ и Джаксыбаъ	44	22
Итого	253	69

Слѣдовательно, всѣхъ десятинъ—какъ собственно по Тургаю, такъ и по другимъ мѣстамъ тогдашней Восточной части Области киргизовъ, поливаемыхъ чигирями, въ 1866 году было всего 2091 десятина; 1191 десятина была подъ просомъ, а 900 десятинъ подъ пшеницею; пшеницы уродилось около 90.000 пудовъ, а проса до 178.650 пудовъ.

Въ 1875 году въ Тургайской области засѣвалось уже болѣе 17.000 десятинъ; въ 1883 году собрано было здѣсь разнаго рода хлѣба 1.946.011 пудовъ, а въ 1884 году, когда былъ весьма хорошій урожай,—3.717.914 пудовъ: это на 1.771.903 пуда болѣе, нежели въ 1883 году. Величина площади, занятой въ 1884 году подъ обработку земли, простиралась до 68.000 десятинъ; особыхъ препятствій къ уборкѣ хлѣба не встрѣчалось; единственную неудачу потерпѣли киргизы Джитыгаринской волости, Николаевского уѣзда, запоздавшіе уборкой засѣяннаго, въ количествѣ 330 десятинъ, проса, которое погибло, вслѣдствіе выпавшаго 7—8 чиселъ октября снѣга. Въ общемъ, средній урожай области въ 1884 году выражался слѣдующими цифрами: разнаго рода хлѣба—самъ 9, овса и ячменя—самъ 6, а проса—самъ 45. Въ 1885 году было засѣяно въ Тургайской области до 69.000 десятинъ. Урожай хлѣбовъ въ этомъ году былъ не вполне удовлетворительный; при посѣвѣ 36.178 четвертей разнаго рода хлѣба было собрано 275.754 четверти; яровая пшеница родилась самъ 5, овесъ и ячмень самъ 3½, а остальные яровые хлѣба, преимущественно просо, самъ 24. Причины, препятствовавшія уборкѣ хлѣба, были въ Илецкомъ уѣздѣ—частые дожди съ холоднымъ вѣтромъ, а въ Николаевскомъ—также дождливая погода и бывшіе 9-го, 22 и 23-го августа сильные морозы, которые неблагоприятно повліяли на созрѣваніе хлѣбовъ средняго и поздняго посѣвовъ. Въ 1886 году лѣто было слишкомъ дождливое и урожай хлѣбовъ, по качеству зерна, былъ пло-

хой. Вслѣдствіе незначительнаго количества дождей, падавшихъ въ 1887 году, въ Тургайской области, особенно въ Николаевскомъ уѣздѣ, урожай хлѣбовъ былъ посредственный; кромѣ того, въ Александровскомъ поселкѣ, Николаевского уѣзда, выбило градомъ 270 десятинъ ярового хлѣба. Урожай хлѣбовъ и травъ въ 1888 году былъ крайне неудовлетворительный, вслѣдствіе засухи, стоявшей все лѣто, а въ Николаевскомъ уѣздѣ и вслѣдствіе частыхъ густыхъ тумановъ, губельно дѣйствовавшихъ на растительность. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ урожай былъ до того плохъ, что хлѣбопашцы не возвратили затраченныхъ на посѣвъ сѣмянъ.

На поденную заработную плату въ Тургайской области за послѣднее время существовали, приблизительно, такіа цѣны: одному человѣку отъ 35 коп. до 1-го рубля въ день, съ лошадью отъ 1 руб. 50 коп. до 2-хъ рублей; средняя заработная плата была за распашку десятины отъ 7 руб. 50 коп. до 10 рублей, за бороновку отъ 4 до 6 рублей, а за жнитво отъ 8 до 12 рублей.

Особенно значительные посѣвы производятся теперь въ Николаевскомъ уѣздѣ, гдѣ много русскихъ поселенцевъ; здѣсь, благодаря хорошей почвѣ и обилію влаги, получаютъ урожаи, не только покрывающіе мѣстные потребности, но и дающіе излишекъ, который сбывается въ сосѣднія области. Киргизская пшеница, говоритъ Э. Ю. Петри, настолько уже зарекомендовала себя, что мѣстные купцы предпочитаютъ ее русской. Въ южныхъ уѣздахъ результаты получаются менѣе благоприятные потому, что здѣсь, помимо неудобной почвы, за земледѣліе принимаются киргизы преимущественно бѣдные, ищущіе въ земледѣліи, по малочисленности скота, подспорья къ своему существованію. Они въ большинствѣ случаевъ не обладаютъ ни достаточнымъ количествомъ зерна для обсемененія полей, ни достаточномъ количествомъ рабочихъ рукъ; нѣтъ у нихъ и чигирей. Самая обработка

полей производится здѣсь еще первобытными способами, что, само собою разумѣется, оказываетъ свою долю вреднаго вліянія на урожай. Въ числѣ болѣе важныхъ земледѣльческихъ орудій у южныхъ киргизовъ Тургайской области находится тисъ. Тисъ—весьма легкое орудіе или самое жалкое подобіе сохи съ однимъ сошникомъ, едва выворачивающимъ землю съ односторонней глубины и вовсе не способнымъ для болѣе глубокаго паханія. Въмѣсто бороны употребляются здѣсь мотыга и такъ называемый кетпень или заступъ; это родъ топора, но гораздо большей величины, вѣриѣ—родъ желѣзной лопаты, съ тою разницею, что деревянная ручка въ кетпенѣ втыкается въ обухъ перпендикулярно его лопатѣ. Вспаханная или поднятая тисомъ земля разбивается потомъ мотыгою или кетпенемъ, послѣ чего дѣлаются извѣстные приспособленія пашни къ поливкѣ; для ровнаго распространенія воды по пашнѣ, послѣдняя устраивается съ множествомъ взаимно пересѣкающихся внутри ея канавокъ вдоль и поперекъ. На воздѣланную такимъ образомъ землю бросается сѣмя, послѣ чего засѣянное поле постепенно или по мѣрѣ надобности поливается водою, проводимою къ пашнѣ изъ рѣки или озера посредствомъ искусственныхъ канавъ, называемыхъ арыками, которые, начинаясь обыкновенно отъ воды, оканчиваются у самой пашни такъ называемымъ эутомъ, или ямою въ родѣ колодца. Это бассейнъ, куда вливается проводимая изъ рѣки или озера вода и откуда выливается она на пашню. Первый самый старинный способъ поливки производится куль-каугою, ведркомъ, привязаннымъ къ концу длиннаго шеста, у котораго на другомъ концѣ виситъ или мѣшокъ, набитый пескомъ, или камень. Шестъ лежитъ серединою на подпorkѣ изъ трехъ сошекъ, связанныхъ вмѣстѣ верхними концами, а нижними разставленныхъ врозь, по сторонамъ. Подпорка для шеста съ куль-каугою на одномъ концѣ и съ тяжестью на другомъ устраивается

у самого конца, или эута, съ противоположной пашнѣ стороны его, а на той сторонѣ эута, гдѣ пашня, сдѣлано выложенное изъ глины продолговатое корыто, по-киргизски астау, котораго дно должно быть непременно выше поверхности площади, представляющей пашню, и котораго продолженіе, суживаясь, идетъ вдоль пашни, развѣтвляясь внутри ея на обѣ стороны и кругомъ. Это продолженіе корыта, равно какъ и всѣ развѣтвленія его внутри и кругомъ пашни называется жапъ. Изъ жаповъ самый широкій и главный тотъ, который, составляя непосредственное продолженіе корыта или астау, лежитъ вдоль всей пашни. Вычерпываемая куль-каугою вода изъ колодца льется прежде всего въ астау, а изъ него въ главный жапъ, по которому она бѣжитъ прямо къ противоположному концу пашни, гдѣ поворачивается въ обѣ стороны по круговымъ жапамъ.

Другой способъ поливки называется атпá. Это — маленькое плоскодонное съ отлогою къ одному концу стѣнкою корытце въ видѣ лотка, придѣланное къ такому же шесту, къ какому привязывается куль-кауга, съ тою лишь разницею, что у послѣдней шестъ лежитъ на подпоркѣ или надъ сошками, а у атпы онъ виситъ между сошками, привязанный за середину веревкою, идущею отъ связанныхъ концовъ сошекъ. Взявъ этотъ шестъ за противоположный корытцу конецъ, одинъ человѣкъ безъ затрудненія вычерпываетъ изъ колодца воду, льющуюся, переливающуюся и распространяющуюся потомъ по пашнѣ тѣмъ же порядкомъ и путемъ, какъ и при поливкѣ куль-каугою.

Хлѣбъ жнутъ игинчи серпомъ и пожемъ. Тамъ, гдѣ почвенныя и климатическія условія болѣе благоприятствуютъ земледѣлію, какъ въ Николаевскомъ, на примѣръ, уѣздѣ, зажиточные киргизы берутъ на время жатвы въ аренду жатвенныя машины и молотилки. Сжатый хлѣбъ, связываемый сначала въ отдѣльные снопы, а потомъ собираемый и скла-

дыаемый въ скирды, вымолачивается тотчасъ по окончаніи жатвы. Мѣсто молотьбы, производимой гоньбою по настланному хлѣбу нѣсколькихъ привязанныхъ одна къ другой лошадей вразъ, называется кырманъ и представляетъ расчищенный земляной полъ съ твердымъ утрамбованнымъ грунтомъ. Изъ-подъ молотьбы хлѣбъ поступаетъ подъ вѣялку на разостланной по землѣ кошмѣ, откуда безъ всякой просушки въ овинѣ идетъ прямо въ продажу.

При настоящемъ положеніи хлѣбопашества въ Тургайской области, мѣрою, наиболѣе полезною для его развитія и практически легко осуществимою, могло бы служить устройство сѣменныхъ магазиновъ, для выдачи изъ нихъ нуждающимся киргизамъ зерна заимообразно съ обязательствомъ возврата позаимствованнаго осенью, по сборѣ урожая. Эта мѣра между прочимъ вырвала бы недостаточныхъ земледѣльцевъ изъ рукъ кулаковъ, которые ссужаютъ ихъ весною сѣменами на крайне тяжелыхъ условіяхъ, разоряющихъ бѣдняковъ и заставляющихъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отказываться на слѣдующій годъ отъ посѣва. Другою, направленною къ достиженію той же цѣли, мѣрою служило бы искусственное разведеніе на мѣстностяхъ, пригодныхъ для хлѣбопашества, деревьевъ или кустарниковъ, которые, скрѣпляя почву, предохраняли бы поля отъ песчаныхъ заносовъ и отъ засухъ во время лѣтнихъ жаровъ. Начало этому, впрочемъ, положено.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 21 декабря 1882 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, всѣ лѣса, произрастающіе въ Тургайской области, съ 1883 года поступили въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ. Мѣстное завѣдываніе лѣсами возложено было на тургайское областное правленіе, на правахъ управленія государственными имуществами. При областномъ правленіи было образовано

лѣсное отдѣленіе, въ составѣ котораго должны находиться лѣсной ревизоръ и трое лѣсничихъ, проживающихъ каждый въ своемъ лѣсничествѣ *).

Соображаясь съ географическимъ расположеніемъ лѣсовъ въ области, цѣнностью произрастающихъ въ нихъ породъ и величиною занимаемыхъ ими площадей, изъ лѣсовъ, произрастающихъ въ Николаевскомъ и Тургайскомъ уѣздахъ образовали два лѣсничества и назначили 30 лѣсныхъ объѣзчиковъ, а изъ лѣсовъ въ Илецкомъ уѣздѣ — третье лѣсничество съ 5 объѣзчиками.

Лѣса Тургайской области состоятъ изъ 22 отдѣльных дачъ, общая площадь которыхъ равна 334.636, 11 десятинъ; изъ этой площади 208.336, 11 десятинъ опредѣлены инструментально, а 126.300 десятинъ глазомѣрно. По уѣздамъ лѣсная площадь распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Николаевскомъ уѣздѣ 261.613, 77 десятинъ, въ Тургайскомъ 19.952, 5 десятинъ, въ Илецкомъ 26.473 десятины.

Лѣса Тургайской области состоятъ главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ шести породъ: сосны, березы, осины, ветлы, дуба и вяза; кромѣ того, встрѣчается довольно много разнообразныхъ кустарниковыхъ породъ. Сосна растетъ въ юго-восточной части Николаевского уѣзда и въ сѣверной части Тургайскаго; она представляетъ хорошій строевой матеріалъ. Береза растетъ въ Николаевскомъ, Тургайскомъ и Илецкомъ уѣздахъ; она употребляется въ небольшомъ количествѣ, какъ строевой матеріалъ, — на мелкія подѣлки, — а главнымъ образомъ идетъ на дрова. Осина встрѣчается въ тѣхъ же уѣздахъ, въ которыхъ растетъ и береза; дерево это идетъ на постройки. Черная ольха произрастаетъ только въ Илецкомъ уѣздѣ по берегамъ рѣкъ и употребляется исключительно на дрова; осокорь растетъ также въ Илецкомъ уѣздѣ и употреб-

*) Двое въ Кустанаѣ, а третій въ Акъ-Тюбе.

ляется—частью, какъ строевой матеріалъ, а частью идетъ на дрова; въ Илецкомъ же уѣздѣ можно встрѣтить серебристый тополь, разные виды ивы, дубъ, вязъ и ветлу. Серебристый тополь, дубъ и вязъ растутъ въ самомъ незначительномъ количествѣ, а ветла—наиболѣе распространенная порода; дерево это употребляется на незначительныя постройки и на дрова; ива даетъ матеріалъ для плетней и употребляется на дрова.

Изъ кустарныхъ породъ въ лѣсахъ Тургайской области произрастаютъ слѣдующіе виды: боярышникъ, черемуха, крушина ломкая, лещина, калина, жимолость и таволга.

Пожары, бывшіе въ 1879—81—82—83—88 годахъ, истребили десятки тысячъ десятинъ лучшихъ сосновыхъ лѣсо-насаждений въ Тургайской области. Для сохраненія лѣсовъ отъ пожаровъ въ 1885 году установленъ былъ строгій надзоръ за киргизами, проживающими на лѣсныхъ полянахъ, и нѣкоторые изъ этихъ кочевниковъ выселены были изъ лѣсовъ, другіе дали подписки, за круговую порукою, о сохраненіи занимаемыхъ ими лѣсовъ.

Валовой доходъ отъ лѣсовъ Тургайской области за послѣднія пять лѣтъ выражался въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1884 году—4658 руб. 99 коп., въ 1885 году—10.308 р. 49 коп., въ 1886 году—13.864 руб. 18 коп., въ 1887 году—20.549 руб. 18 коп., въ 1888 году—15.871 руб. 81 коп. Изъ этихъ цифръ видно, что доходы отъ лѣсовъ Тургайской области до 1888 года постепенно увеличивались; уменьшеніе ихъ въ 1888 году, вѣроятно, зависѣло отъ пожаровъ *) и отъ плохого урожая хлѣба.

Безденежный отпускъ лѣса на отопленіе квартиръ лѣсничихъ и стражи произведенъ былъ въ 1885 году на 156 р.

*) Вслѣдствіе этихъ пожаровъ, лѣсъ продавался горѣлый, по дешевой цѣнѣ.

47 коп., въ 1886 году на 139 руб. 70 коп., въ 1887 году лѣсъ отпускался безденежно на отопленіе квартиръ лѣсничихъ и стражи и на постройки въ 1 и 2 николаевскихъ лѣсничествахъ 10-ти стражническихъ домовъ,—лѣсу было отпущено въ этомъ году на 3248 руб. 81 коп.

Случаевъ нарушенія лѣсного устава было въ 1885 году 472 и нанесено казнѣ убытку на 4022 руб. 88 коп., въ 1886 году—718 на 4627 руб. 32 коп., въ 1887 году—897 на 5465 руб. 96 коп., а въ 1888 году—915 на 6571 руб. 73 коп.

Добыча изъ лѣсовъ древесныхъ продуктовъ, смолы и дегтя, въ области только что начинается.

Однимъ изъ видовъ промышленности въ Тургайской области служить добыча соли изъ озеръ—Уркача, находящагося въ сѣверныхъ предѣлахъ Тургайскаго уѣзда, и Эбелея—въ Николаевскомъ уѣздѣ.

Первое изъ этихъ озеръ особенно отличается обиліемъ и хорошимъ качествомъ соли. Въ 1885 году добычею соли занимались киргизы, преимущественно Николаевскаго уѣзда и отчасти Тургайскаго; затѣмъ—для той же цѣли пріѣзжали солепромышленники изъ Троицка, Верхнеуральска и другихъ мѣстностей Оренбургской губерніи. По примѣрному вычисленію, изъ Уркача въ 1885 году добыто было соли не менѣе милліона пудовъ; изъ озера же Эбелея, не столь богатаго солью, добыча соли была не очень значительна. Въ 1886 году возникло предположеніе отдать эти озера частнымъ лицамъ въ аренду съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы дозволить киргизамъ добывать соль бесплатно для ихъ собственнаго употребленія, по крайней мѣрѣ въ первое время, пока населеніе не привыкнетъ къ новому порядку вещей. Предположеніе 1886 года осуществилось въ 1887 году, ког-

да Уркачъ и Эбелей были отданы въ аренду орскому купцу Назарову, который обязался по условію или отвести киргизамъ по одному самосадочному бассейну на каждомъ озерѣ, или выдавать имъ по два пуда соли на кибитку въ годъ.

Горная промышленность въ Тургайской области находится въ младенческомъ еще состояніи. Изслѣдованія обнаружили, что въ Илецкомъ уѣздѣ залегаютъ пласты мѣдной руды и каменнаго угля; кромѣ того, есть богатые залежи селенита (кристаллическаго гипса), образующаго мѣстами цѣлыя горы.

Есть несомнѣнныя указанія на присутствіе нефти съ очень малымъ удѣльнымъ вѣсомъ, не уступающей, по своимъ качествамъ, лучшимъ бакинскимъ сортамъ.

Въ Тургайскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ есть горько-соленыя озера, могущія служить источникомъ для добыванія глауберовой соли въ очень значительномъ количествѣ; въ тѣхъ же уѣздахъ находятся озера для добыванія самосадочной поваренной соли и богатые мѣсторожденія купороса, горныхъ солей и торфа. Въ западной части Николаевского уѣзда, судя по горнымъ породамъ, составляющимъ продолженіе южной части Уральскаго хребта, есть, по всей вѣроятности, золото.

Мѣдныя руды Тургайской области какъ по характеру залежей, такъ и по процентному содержанію мѣди — вполне годны къ разработкѣ; онѣ залегаютъ главнымъ образомъ въ отрогахъ горъ Губерлинскихъ, распространяясь между рѣчками Бердянкой и, вѣроятно, Орью. Протяженіе породъ преимущественно меридіональное съ паденіемъ отъ 12° до 75° ; пластовъ множество, но не всѣ они заслуживаютъ разработки. Характеризуются мѣдныя руды Тургайской области мѣдною синью, мѣдною зеленою; нерѣдко можно встрѣтить

ярь-мѣдянку и ляписъ-лазурь въ хорошо образованныхъ кристаллахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, на рѣкѣ Карагаштѣ, встрѣчается такъ называемая галечная руда, представляющая собою конгломераты и пудинги пермской формациі, проникнутые мѣдною зеленью; руды эти конечно очень бѣдны по содержанію мѣди, отъ 3% до 4%, но и такія руды могли бы обрабатываться.

Другой видъ руды, носящей мѣстное названіе оселочной, какъ напр. въ оврагѣ-ключѣ «Курашъ», впадающемъ въ рѣку Кучукъ-бай, представляетъ собою гнѣзда великолѣпнаго лучистаго малахита, заключенныя въ кремнистыхъ сланцахъ, но эти скопленія совсѣмъ незначительны и едва-ли могутъ служить предметомъ разработки. Что же касается главныхъ рудъ — мѣдной зелени и синей, проникающихъ мергели и глинистые сланцы, — онѣ содержатъ, по произведеннымъ изслѣдованіямъ, отъ 1% до 14% мѣди и сохраняютъ въ большинствѣ случаевъ характеръ залеганія.

Каменнаго угля въ области много и лежитъ онъ почти на самой поверхности, вслѣдствіе чего взятые образцы, какъ вывѣтрившіеся, заставляютъ желать многого, но, ссылаясь на авторитетъ профессора Карпинскаго, можно сказать почти положительно, что, при тщательномъ изслѣдованіи мѣсторожденій каменнаго угля, окажутся мѣсторожденія вполне пригодныя для разработки какъ по качеству угля, такъ и по мощности пластовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на рѣкѣ Джусѣ начата была разработка нефти, но какова мощность нефтесодержащихъ пластовъ, пока не опредѣлено въ точности.

Съ 1887 года по рѣкѣ Карагаштѣ начали разработку селенита, а изъ горько-соленыхъ озеръ Каинлы-соръ и Кара-соръ стали добывать глауберовую соль.

Для будущаго развитія горной промышленности въ Тургайской области прежде всего необходимо точное изслѣдова-

ніе мѣсторожденій минеральныхъ богатствъ лицами, основательно знакомыми съ горнымъ дѣломъ какъ научно, такъ и практически, къ изслѣдованіямъ которыхъ капиталисты, желающіе заняться горною промышленностью, могли бы отнестись съ довѣріемъ.

Въ 1888 году выдано было слѣдующее количество свидѣтельствъ на производство въ Тургайской области развѣдокъ мѣсторожденій различныхъ металловъ и минераловъ, а именно: золота—2, мѣди—1, каменнаго угля—4, нефти и селенита—1,—всего же 8.

Численность кочевого населенія Тургайской области принято опредѣлять по числу кибитокъ, полагая по 5 душъ обоого пола на кибитку,—перечисленіе кибитокъ дѣлается одинъ разъ въ три года. Въ 1884 году *) въ Илецкомъ уѣздѣ считалось 16.111 кибитокъ (80.555 душъ обоого пола), въ Иргизскомъ 15.163 кибитки (75.815 душъ обоого пола), въ Тургайскомъ 13.157 кибитокъ (65.785 душъ об. пола), въ Николаевскомъ 19.983 кибитки (99.915 душъ об. пола), а всего въ области 64.414 кибитокъ (322.070 душъ обоого пола). По перечеѣу 1887 года **) въ Илецкомъ уѣздѣ считалось 16.504 кибитки (82.520 душъ обоого пола), въ Иргизскомъ 15.617 кибитокъ (78.085 душъ обоого пола), въ Тургайскомъ 13.642 кибитки (68.210 душъ обоого пола), въ Николаевскомъ 20.020 кибитокъ (100.100 душъ обоого пола), а всего 65.783 кибитки (328.915 душъ обоого пола). Такимъ образомъ, въ теченіе трехлѣтія, съ 1884 года по 1886-й, въ Тургайской области прибавилось 1369 кибитокъ и 6845 душъ обоого пола.—Говоря это, мы не долж-

*) Въ этомъ году былъ перечеѣу.

**) На 1887—88—89 годы.

ны умолчать о томъ, что приводимыя здѣсь официальные свѣдѣнія о численности населенія Тургайской области слѣдуетъ понимать весьма условно и пользоваться ими съ большою осторожностью. Цыфра душъ обоого пола, какъ говорили мы выше, есть не что иное, какъ количество отдѣльныхъ хозяйствъ—кибитокъ, помноженное на пять, такъ какъ средній размѣръ семьи опредѣляется приблизительно въ 5 человекъ. Болѣе или менѣе достовѣрна въ этомъ случаѣ только первая величина, т. е. количество хозяйствъ, такъ какъ по числу хозяйствъ, отдѣльныхъ юртъ или кибитокъ кочевого населенія, взимается подать въ доходъ казны, а слѣдовательно, несмотря на нѣкоторую утайку юртъ со стороны номадовъ, въ видахъ уклоненія отъ взноса податей, общее количество юртъ въ каждомъ аулѣ и волости все-таки приблизительно вѣрно; что же касается численности семьи номада, въ смыслѣ средней статистической величины, то таковая совершенно неизвѣстна и принята, такъ сказать, наудачу. Цыфра 5, принятая для выраженія численности семьи киргиза, заимствована изъ приблизительноныхъ вычислений, производившихся въ Имперіи, и приобрѣла право гражданства только на почвѣ киргизскихъ степей,—нормальная же цыфра населенія кибитки никакъ не можетъ быть меньше 6—7 душъ обоого пола. Надо замѣтить, что и въ Европейской Россіи, послужившей какъ бы примѣромъ для статистики азіатской, средній размѣръ крестьянскаго семейства нѣсколько выше 5. Такъ по народной переписи 1858 года, лишь для небольшой сравнительно части Имперіи нормальная крестьянская семья имѣла 5,1 душъ обоого пола (напримѣръ въ Хотинскомъ уѣздѣ Бессарабской области). Въ большинствѣ же районовъ семья поселенина состояла изъ 7, 8, 9 и даже болѣе того членовъ, по среднему расчету (напр. въ Вяземскомъ уѣздѣ 9,5, а въ Тульскомъ 9,7). Встрѣчались же и такія мѣстности, гдѣ, по точнымъ подвор-

нымъ записямъ, нормальный размѣръ семьи оказывался почти въ 11 душъ обоого пола (напр. въ Скопинскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи). Если цифра 5 оказывается малою для семьи русскаго землепашца, то тѣмъ болѣе недостаточною она должна быть для кочевника, во-первыхъ, вслѣдствіе полигаміи, а во-вторыхъ—вслѣдствіе значительно низшей культуры его быта, что, какъ извѣстно, сопровождается обыкновенно большимъ числомъ рожденій, рядомъ съ большею же, впрочемъ, смертною. Если въ нашемъ крестьянскомъ быту конца пятидесятихъ годовъ большую роль играло родовое начало, обуславливая собою существованіе большихъ нераздѣльныхъ семействъ, управлявшихся волею родителя, то это же самое начало съ большею силою находило и находить себѣ примѣненіе у киргиза. Помимо родового начала, для нашего номада существуютъ еще и другія причины, способствующія увеличенію численности семьи, а именно—условія заключенія брака, въ связи съ требованіями обычнаго права у киргизовъ. Выдѣленіе сыновей, говоритъ Н. И. Гродековъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ, зависящее вполне отъ отца, происходитъ у киргизовъ и кара-киргизовъ по порядку старшинства и послѣ вступленія въ бракъ. На отца лежитъ забота о снабженіи каждаго сына калымомъ и надѣломъ инчи (инчи, энчи—происходитъ отъ слова эн—зарубки, дѣлаемой на раздѣляемомъ скотѣ для отличія). Если отецъ, по требованію сына, не хочетъ выдѣлить его въ данное время, то сынъ можетъ выйти безъ инчи, но уже съ потерей права требовать его послѣ. Выдѣленіе сына до женитьбы всегда есть признакъ его несогласій съ отцомъ. Уплативъ калымъ за старшаго сына, отецъ не выдѣляетъ его раньше, чѣмъ не назначить всѣмъ своимъ сыновьямъ по извѣстной части на калымъ, не исключая и того сына (младшаго), который не долженъ быть выдѣленъ. Въ силу этихъ обычаевъ, размѣръ семьи находится въ тѣсной зави-

спности отъ ея экономическаго положенія: чѣмъ семья зажиточнѣе, тѣмъ легче уплатить отцу за сыновей калымъ и выдѣлать ихъ въ отдѣльные хозяйства, и дѣйствительно, по сообщенію того же Н. И. Гродекова, богатые обыкновенно женятъ сыновей 12—15 лѣтъ, бѣдные же гораздо позже, въ 30 лѣтъ.

Изъ всего этого видно, что число 5, принятое въ статистикѣ Тургайской области за нормальной размѣръ средней семьи, есть величина совершенно произвольная, не имѣющая никакихъ правъ быть принятою за основаніе при исчисленіи кочевниковъ.

Кромѣ постоянного населенія, въ Тургайскую область ежегодно прикочевываетъ, на лѣтнее время, масса киргизовъ Сыръ-Дарьинской области и Уральской, особенно изъ первой. Кочевники эти доходяхъ съ стадами своими до рѣки Тобола, а также до Ори и нѣкоторыхъ другихъ притоковъ Урала; опредѣлить численность этого пришлаго населенія не представляется совсѣмъ ужъ никакой возможности.

Осѣдлое населеніе Тургайской области исчисляется болѣе точно, нежели кочевое: къ 1-му января 1886 года въ г. Тургаѣ считалось 380 душъ обоего пола (въ томъ числѣ 286 мужчинъ и 94 женщины), въ г. Иргизѣ 679 душъ об. пола (492 мужчины и 187 женщинъ), въ фортѣ Карабутакъ 323 души обоего пола (236 мужчинъ и 87 женщинъ), въ посту Акъ-Тюбе 862 души обоего пола (559 мужчинъ и 303 женщины) и въ поселеніи Кустанай 7325 душъ обоего пола (3886 мужчинъ и 3439 женщинъ),—всего же 9569 душъ обоего пола (5459 мужчинъ и 4110 женщинъ); въ число это вошли 2008 душъ русскихъ крестьянъ, которые переселились въ 1885 году на земли тургайскихъ киргизовъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Въ 1886 году въ г. Тургаѣ считалось 416 душъ обоего пола (въ числѣ томъ 302 мужчины и 114 женщинъ), въ г. Иргизѣ 737 душъ об.

пола (532 мужчинъ и 205 женщинъ), въ фортѣ Карабутаѣ 299 душъ обоего пола (230 мужчинъ и 69 женщинъ), въ посту Акъ-Тюбе 1209 душъ обоего пола (737 мужчинъ и 472 женщины) и въ Кустанаѣ 14.095 душъ обоего пола (6720 мужчинъ и 7375 женщинъ),— всего же въ области 16.756 душъ обоего пола (8521 мужчина и 8235 женщинъ); это—на 7186 душъ больше 1885 года. Увеличеніе народонаселенія произошло главнымъ образомъ отъ вновь поселившихся крестьянъ въ Кустанайской волости Николаевского уѣзда и въ Акъ-Тюбе, Илецкаго уѣзда. Въ 1887 году въ Тургаѣ считалось 411 душъ обоего пола (304 мужчины и 107 женщинъ), въ г. Иргизѣ 887 душъ обоего пола (599 мужчинъ и 288 женщинъ), въ Карабутаѣ 275 душъ обоего пола (187 мужчинъ и 88 женщинъ), въ Акъ-Тюбе 2389 душъ обоего пола (1298 мужчинъ и 1091 женщина) и въ Кустанаѣ 16.309 душъ обоего пола, а всего 20.271 душа обоего пола (10.195 мужчинъ и 10.076 женщинъ),—болѣе 1886 года на 3515 душъ. Въ 1888 году въ Тургаѣ считалось 472 души обоего пола (330 мужчинъ и 142 женщины), въ Иргизѣ 673 (444 мужчины и 229 женщинъ), въ Карабутаѣ 268 (181 и 87), въ Акъ-Тюбе 2404 (1332 и 1072), а въ Кустанаѣ 16.775 (8028 и 8747),—всего же 20.592 души об. пола (10.315 и 10.277), болѣе 1887 года на 321 человекъ. Слишкомъ замѣтное увеличеніе осѣдлаго народонаселенія въ Тургайской области за 1887 годъ произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе переселенія въ Кустанай русскихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній Россіи.

На основаніи Временнаго Положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ, николаевское уѣздное управленіе Тургайской области, помѣщавшееся сначала въ станицѣ Нико-

лаевской, а потомъ въ г. Троицкѣ, Оренбургской губерніи, слѣдовало перенести внутрь степи: съ этою цѣлью, для возведенія въ Николаевскомъ уѣздѣ города, и было выбрано въ 1870 году мѣсто при Тоболѣ, на урочищѣ Урдабай *), но затѣмъ въ 1879 году представилось болѣе удобнымъ остановиться на мѣстности Кустанай, отстоящей въ 8 верстахъ отъ Урдабая, внизъ по Тоболу. На этой мѣстности, уступленной по приговорамъ киргизскихъ обществъ, предполагено было отвести 13500 десятинъ для пригороднаго поселка, не болѣе какъ въ 1000 душъ.

Въ 1880 году послѣдовало разрѣшеніе крестьянамъ-переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній Россіи селиться въ Кустанаѣ, а съ 1881 года началось тамъ заселеніе и по-

*) Въ «Оренбургскомъ Листкѣ» читаемъ:

Извѣстно, что до закрытія степныхъ таможенныхъ пунктовъ вѣдомства бывшей пограничной комиссіи всѣ значительные азіатскіе караваны, преимущественно съ хлопкомъ, ходили на г. Троицкъ и уже оттуда направляли товаръ либо въ Оренбургъ по линіи, либо черезъ Кундравы, Златоустъ и Бирскъ, а затѣмъ—по Бѣлой, Камѣ и Волгѣ на нижегородскую ярмарку. Въ 1870-хъ годахъ возникла, поэтому, у правительства мысль, для большаго развитія торговли съ среднеазиатскими ханствами, провести желѣзную дорогу изъ Оренбурга до г. Троицка, а оттуда до Ташкента. Съ этою цѣлью послѣдній оренбургскій генераль-губернаторъ Крыжановскій находилъ полезнымъ въ Николаевскомъ уѣздѣ Тургайской области возвести новое степное поселеніе восточнѣе г. Троицка на 170 верстъ, именно тамъ, гдѣ проходятъ караваны изъ Средней Азіи и киргизы Тургайской, Акмолинской и частью Сыръ-Дарьинской областей, направлявшіеся съ скотомъ своимъ къ троицкому мѣновому двору. Въ новомъ поселеніи предполагалось, конечно, открыть желѣзнодорожную станцію и перевести туда, какъ въ центръ уѣзда, изъ г. Троицка николаевское уѣздное управленіе и вообще всю уѣздную администрацію. Мѣсто для возведенія новаго поселенія было избрано въ 1870 году при рѣкѣ Тоболѣ на урочищѣ Урдабай, гдѣ кочевалъ родъ киргизовъ Клычбаевыхъ въ количествѣ 40 кибитокъ, но въ 1873 году, по тщательномъ осмотрѣ мѣстностей, представилось болѣе удобнымъ остановиться на урочищѣ Кустанай, отстоящемъ въ 8 верстахъ отъ Урдабая, внизъ по теченію рѣки Тобола.

Русскій Чикаго. «Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 1.

степенно возрастало въ такой степени, что въ 1885 году простиралось уже до 8000 душъ. Это по свѣдѣніямъ официальнымъ, въ Оренбургскомъ же Листкѣ (цитированная выше статья—Русскій Чикаго) читаемъ, что въ 1885 году изъ 36 внутреннихъ губерній Россіи и 3-хъ областей насчитано было въ Кустанаѣ болѣе 10.000 переселенцевъ.

Управленіе Кустанайскимъ поселкомъ сначала возложено было на старшаго помощника николаевского уѣзднаго начальника, который съ 1882 года постоянно и находился въ Кустанаѣ, но въ 1883 году, вслѣдствіе возникшихъ безпорядковъ среди самого населенія и столкновений его съ сосѣдними киргизами, представилось необходимымъ перевести изъ Троицка въ Кустанай николаевское уѣздное управленіе, а затѣмъ и учредить тамъ воинскую команду; команда эта сформирована была изъ 65 нижнихъ чиновъ въ 1885 году и прибыла въ Кустанай, при двухъ офицерахъ, 29 іюня.

Военный губернаторъ области, посѣтивъ въ 1885 году поселеніе Кустанай, нашелъ его неустроеннымъ ни въ административномъ, ни въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Въмѣсто одной тысячи душъ, предполагавшихся къ поселенію въ Кустанаѣ, собралось здѣсь произвольно до 8000 душъ и выстроилось до 1500 дворовъ. Вся эта масса не имѣла ни сельскаго, ни городского устройства, а поселенцы не только не были надѣлены опредѣленнымъ количествомъ земли, но имъ не указано было даже приблизительно района пахотныхъ и луговыхъ мѣстъ, почему поселенцы и захватили произвольное пространство земли вокругъ Кустаная. Когда сняли занятый въ натурѣ кустанайскій земельный участокъ, то пространство его исчислено было не въ 13.500 десятинъ, предполагавшихся къ отводу, а въ 41.865 десятинъ. Полицейская часть въ Кустанаѣ совершенно была не организована.

Имѣя въ виду, что такое безпорядочное положеніе этого

значительнаго поселенія было уже причиною нѣкоторыхъ безпорядковъ и столкновеній съ киргизами, военный губернаторъ въ предупрежденіе дальнѣйшихъ осложненій призналъ безотлагательно необходимымъ сдѣлать распоряженія относительно приведенія Кустанайскаго поселенія въ порядокъ, спокойствіе и возможное благоустройство. Въ этихъ видахъ военный губернаторъ распорядился 1) по административному устройству Кустаная: поселеніе это, согласно размѣщенію построекъ, раздѣлить на три части: Городской или Центральный, Пригородный и Затобольскій, — въ Центральномъ образовать впослѣдствіи городъ; оставивъ жителей не крестьянскаго сословія въ Кустанай на общемъ городскомъ положеніи, изъ остальныхъ жителей крестьянскаго сословія образовать три сельскихъ общества, сообразно числу поселковъ; затѣмъ, изъ всѣхъ трехъ поселковъ образовать одну Кустанайскую волость съ волостнымъ старшиною и управленіемъ, по общему положенію, при чемъ въ волости образовать и волостной судъ; 2) по полицейскому управленію: все поселеніе Кустаная должно быть ввѣрено особому полицейскому приставу, подчиненному непосредственно уѣздному начальнику; полицейскому приставу подчинялись волостное и сельское управленія; обязанности полицейскаго пристава возложены были на одного изъ писемоводителей уѣзднаго управленія, впредь до учрежденія особой должности, о чемъ представлено было ходатайство въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и 3) по поземельному устройству: предоставленныя поселенію земли должны быть обмежеваны временными знаками для извѣстности жителямъ и киргизамъ границъ участка.

Въ 1885 году снятъ былъ на планъ и въ натурѣ указаны межевыми знаками весь земельный участокъ, занятый поселенцами Кустаная; пространство этого участка, какъ мы уже видѣли выше, опредѣлилось въ 41.865 десятинъ.

Представленіе объ отдачѣ этого участка въ надѣлъ поселенцамъ, примѣнительно къ § 226 Временнаго Положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ, было сдѣлано Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ 24 сентября 1885 года за № 5531.

Вотъ какъ возникъ Кустанайскій посёлокъ, благодаря которому произошло въ 1887 году столь быстрое увеличеніе осѣдлаго населенія въ Тургайской области.

Изъ нижеприведенныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ городскихъ построекъ мы увидимъ, какъ быстро развивается селеніе Кустанай сравнительно съ тѣми городами Тургайской области, которые хотя и начали жизнь свою гораздо раньше Кустаная, но далеко уже отстали отъ этого посёлка.

Въ 1885 году въ г. Иргизѣ была 1 церковь, 88 домовъ и 214 нежилыхъ строеній, въ Тургаѣ—1 церковь, 71 домъ и 20 нежилыхъ строеній, въ Карабутаѣ—1 церковь, 66 домовъ и 9 нежилыхъ строеній, въ Кустанай—1 церковь, 1392 дома, 2964 нежилыхъ помѣщенія и 29 вѣтряныхъ мельницъ, въ Акъ-Тюбѣ—1 церковь, 106 домовъ и 45 нежилыхъ строеній; въ 1886 году количество церквей оставалось то же самое, что и въ 1885 году; домовъ въ гор. Иргизѣ было 87, нежилыхъ строеній 214, въ Тургаѣ было 72 дома и 23 нежилыхъ строенія, въ Карабутаѣ—странное дѣло—количество домовъ въ 1886 году уменьшилось почти на половину: изъ 66 осталось только 36, нежилыхъ строеній было 39; въ Акъ-Тюбѣ—143 дома, 71 нежилое строеніе и 4 вѣтряныхъ мельницы, въ Кустанай 1.558 домовъ, 2.995 нежилыхъ строеній и 33 мельницы; въ 1887 году прибавилась одна церковь въ г. Иргизѣ, количество домовъ повсюду увеличилось, а количество нежилыхъ стро-

ній значительно сократилось; въ Акъ-Тюбэ не стало ни одной мельницы, а въ Кустанаѣ 10 прибавилось; въ 1888 году въ Иргизѣ было 2 церкви, 120 домовъ и 211 нежилыхъ строеній, въ Тургаѣ 1—церковь, 65 домовъ и 33 нежилыхъ строения, въ Карабутаѣ—1 церковь, 45 домовъ и 49 нежилыхъ строеній, въ Акъ-Тюбэ—1 церковь, 326 домовъ и 123 нежилыхъ строения, въ Кустанаѣ—2 церкви, 7434 дома, 417 нежилыхъ строеній и 43 вѣтряныхъ мельницы.

Киргизы Тургайской области обложены въ пользу казны кибиточнымъ сборомъ *); до 1887 года съ каждой кибитки въ податныя суммы взималось по 3 рубля, а съ 1887 года—по 4 рубля. Сбора этого въ 1885 году, по числу кибитокъ (64.391), слѣдовало поступить 193.177 рублей и, кромѣ того, 6810 рублей недоимокъ,—всего же 199.983 р., а поступило 6753 руб. недоимокъ и 156.960 руб. 10 коп. оклада; въ 1886 году слѣдовало поступить 193.173 руб. кибиточнаго сбора, 36.269 руб. 10 коп. недоимокъ 1885 года и 201 руб. вновь причисленныхъ,—всего же 229.643 р. 10 коп.; недоимки 1885 года, въ размѣрѣ 36.269 р. 10 к., были уплачены сполна, оклада поступило 184.255 руб. 80 коп.,—всего же 220.524 руб. 90 коп.; въ 1887 году слѣдовало поступить кибиточнаго сбора 263.028 руб., недоимокъ 1886 года 9.118 руб. 20 коп., вновь причисленныхъ 204 руб., а всего 272.350 руб. 20 коп.; 9.118 руб. 20 к. были уплачены сполна, окладной же сборъ поступилъ въ размѣрѣ 260.976 рублей, въ недоимкѣ, такимъ образомъ, къ 1-му января 1888 года осталось 2.256 рублей, и эта недоимка въ первые же мѣсяцы 1888 года была пополнена;

*) Внутренняя Букеевская орда въ распредѣленіи податныхъ повинностей значительно опередила тургайскихъ киргизовъ: здѣсь сборъ податей производится съ имущества (скота), а не съ жилищъ.

къ поступленію въ 1888 году податного оклада было исчислено 263.232 руб., вновь причислено 148 руб., собрано было 260.087 руб. 56 коп., осталось въ недоимкѣ къ 1889 году 3.292 руб. 44 коп.

Къ числу обязательныхъ повинностей кочевого населенія Тургайской области, кромѣ кибиточнаго сбора, относятся—содержаніе должностныхъ лицъ общественнаго управленія, отиравленіе подводной гоньбы по земскимъ трактамъ и исправленіе дорогъ. Размѣръ денежныхъ сборовъ на эти предметы устанавливается, при исчисленіи кибитокъ, разъ на три года. Въ 1884 году было положено брать на содержаніе должностныхъ лицъ отъ 50 коп. до 1 руб. съ кибитки, а на подводную и дорожную повинности отъ 25 коп. до 65 коп., въ 1887 году сборы были установлены въ слѣдующемъ размѣрѣ: на содержаніе должностныхъ лицъ общественнаго управленія отъ 53 коп. до 1 руб., а на подводную и дорожную повинности отъ 25 до 50 коп. Соотвѣтственно этому, на содержаніе должностныхъ лицъ общественнаго управленія въ 1884 году (на 1884—85 и 86 годы) было ассигновано по Илецкому уѣзду 11.374 руб. 60 коп., по Николаевскому 14.067 руб. 13½ коп., по Тургайскому 8385 руб. 32 коп. и по Иргизскому 9752 руб. 18 коп., а по всей области 43.579 руб. 23½ коп.; на подводную и дорожную повинности по Илецкому уѣзду было ассигновано 6275 руб. 49 коп., по Николаевскому 12.535 руб. 56 к., по Тургайскому 6577 руб. и по Иргизскому 3790 руб.,—всего же 29.178 руб. 5 коп. Въ 1887 году (на 1887—88 и 89 годы) на содержаніе должностныхъ лицъ общественнаго управленія въ Илецкомъ уѣздѣ было ассигновано 14.014 руб. 18 коп., въ Николаевскомъ 15.918 руб., въ Тургайскомъ 8949 руб. 32½ коп., въ Иргизскомъ 10.445 руб. 14 коп., а всего 49.336 руб. 64½ коп.; на подводную и дорожную повинности въ 1887 году было ассигновано по

Илецкому уѣзду 8747 руб. 12 коп., по Николаевскому 7594 руб. 68 коп., по Тургайскому 7471 руб. 20 коп., по Иргизскому 5363 руб. 80 коп., а всего 29.176 руб. 80 коп. Трактовъ, которые содержать киргизы, въ Тургайской области насчитывается шесть: иргизско-тургайскій (201 верста), тургайско-кустанайскій (255 верстъ), троицко-кустанайскій (165 верстъ), илецко-акъ-тюбинскій (186 верстъ), акъ-тюбинско-темирскій (73 версты) и акъ-тюбинско-дамдинскій (151 верста); на всѣхъ этихъ трактахъ содержится отъ 310 до 320 лошадей; кромѣ того, для разѣздовъ уѣздныхъ властей и чиновниковъ по дѣламъ службы, въ почтовыхъ и земскихъ трактовъ, содержатся по уѣздамъ, въ нѣсколькихъ группахъ, отъ 93 до 112 лошадей. За содержаніе этихъ лошадей и земскихъ платится ежегодно изъ сбора на подводную повинность отъ 23.111 рублей до 23.400 рублей. Содержаніе земскихъ трактовъ сдается киргизамъ съ торговъ, по выработаннымъ кондиціямъ, срокомъ на три года. Станціи по этимъ трактамъ еще не устроены, а состоятъ изъ киргизскихъ юртъ, или кибитокъ. Трактъ между Акъ-Тюбѣ и Дамдами зимою закрывается.

Кромѣ земскихъ трактовъ, въ Тургайской области содержится на счетъ казны одинъ почтовый трактъ, орско-тереклинскій, ведущій въ Туркестанъ и заключающій въ себѣ, на протяженіи $490\frac{3}{4}$ версты, 24 почтовыхъ станціи. Трактъ этотъ, служащій сообщеніемъ Европейской Россіи съ средне-азіатскими владѣніями, въ 1873 году былъ сданъ въ 12-лѣтнее содержаніе, съ платою по 119.520 рублей ежегодно. Контрагентъ обязанъ былъ содержать по 20 лошадей на каждой станціи; онъ же былъ обязанъ устроить на свой счетъ станціонные дома, по особо составленнымъ чертежамъ. Въ виду окончанія 26 ноября 1885 года срока содержанія тракта, были произведены въ мартъ 1885 года торги на отдачу тракта въ новое содержаніе на прежнихъ основаніяхъ.

На торгахъ тотъ же контрагентъ выпросилъ за содержаніе тракта 118.080 руб. въ годъ, менѣе противъ прежней цѣны на 1440 рублей.

Съ каждымъ годомъ киргизы Тургайской области все больше и больше сознаютъ необходимость образованія для своихъ дѣтей и на этотъ предметъ собираются ими довольно значительныя суммы.

Начало просвѣщенію въ Тургайской области было положено Высочайше одобреннымъ 21 октября 1868 года положеніемъ объ управленіи въ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областяхъ. Вотъ что говорится въ 209 параграфѣ этого положенія: для благотворительныхъ цѣлей и общественной пользы, съ разрѣшенія губернатора, киргизамъ предоставляется право устанавливать особые сборы, по общественнымъ приговорамъ, утверждаемымъ областнымъ начальствомъ. Изъ донесенія г. Попечителя Оренбургскаго учебнаго округа Г. Министру Народнаго Просвѣщенія отъ 7 октября 1877 года видно, что на основаніи приведеннаго выше параграфа киргизскія общества имѣютъ право устанавливать сборы на устройство и содержаніе школъ и вообще на развитіе народнаго образованія среди ихъ, равно какъ обращать на этотъ предметъ остатки отъ земскаго сбора, уплачиваемаго киргизами на содержаніе должностныхъ лицъ киргизскаго управленія. Приведемъ еще содержаніе нѣкоторыхъ статей изъ положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ, — содержаніе тѣхъ, разумѣется, статей, которыя касаются народнаго просвѣщенія.

262) Для первоначальнаго образованія въ степи, въ первое время, при каждомъ мѣстопробываніи уѣзднаго управленія полагается имѣть общую школу для всѣхъ безъ различія народностей.

263) На устройство и содержаніе школъ отпускаются въ распоряженіе областныхъ управленій опредѣленныя по расписаніямъ особыя суммы, которыя распределяются по уѣздамъ соотвѣтственно мѣстной потребности и развитію школъ.

264) Программа для занятій въ школахъ устанавливается генералъ-губернаторами, по соглашенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

265) Киргизскія дѣти могутъ поступать на обученіе въ школы, существующія въ станицахъ и селеніяхъ, по соглашенію съ станичными обществами, или безвозмездно, или за умѣренную плату.

266) Учителямъ, преподающимъ въ школахъ, дозволяется принимать къ себѣ на домъ для обученія киргизскихъ дѣтей не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства.

267) Наблюденіе за преподаваніемъ какъ въ школахъ, такъ и у частныхъ лицъ ввѣряется уѣздному и областному начальствамъ, а высшій надзоръ подлежитъ, на общемъ основаніи, министерству народнаго просвѣщенія.

Систематическое учрежденіе русскихъ школъ для тургайской области началось, впрочемъ, съ 1879 года. Съ ноября мѣсяца этого года по 1883-й окончательно были устроены четыре центральныхъ русско-киргизскихъ школы въ Тургаѣ, Иргизѣ, Акъ-Тюбѣ и Кустанаѣ, для совмѣстнаго обученія въ нихъ какъ киргизскихъ дѣтей въ видѣ пансіонеровъ, такъ и дѣтей русскихъ жителей въ видѣ приходящихъ. На содержаніе школъ въ 1884 году было назначено киргизскими обществами въ Илецкомъ уѣздѣ 8560 руб. 60 коп., въ Тургайскомъ 9865 руб. 50 коп., въ Иргизскомъ 5024 руб. 45 коп., въ Николаевскомъ 17.124 руб. 40 коп., а всего 40.574 руб. 95 коп. Въ 1885 году на содержаніе школъ Тургайской области 8710 руб. было отпущено изъ государственнаго казначейства и 7087 руб. 40 коп. изъ общественныхъ сборовъ съ киргизовъ и изъ городскихъ сборовъ Ир-

гиза. Въ видахъ упроченія матеріальныхъ средствъ киргизскихъ училищъ, въ 1885 году было положено начало учрежденія при училищахъ запасныхъ капиталовъ; капиталы эти должны состояться изъ остатковъ отъ смѣтныхъ суммъ, ежегодно отпускаемыхъ на содержаніе училищъ. Въ 1886 году на содержаніе школъ Тургайской области изъ государственнаго казначейства было отпущено 8710 же руб., какъ и въ 1885 году, а изъ общественныхъ сборовъ съ киргизовъ и изъ городскихъ сборовъ Иргиза 6467 рублей. Въ 1887 году на содержаніе школъ въ Илецкомъ уѣздѣ было назначено отъ общества киргизовъ 6601 руб. 60 коп., въ Тургайскомъ 6112 руб. 80 коп., въ Иргизскомъ 3125 руб., въ Николаевскомъ 3997 руб. 20 коп., а всего 19.834 руб. 60 коп., изъ которыхъ было израсходовано 11.065 руб.; въ этомъ же году на содержаніе тургайскихъ школъ было отпущено 8710 руб. изъ государственнаго казначейства и 4912 руб. 40 коп. изъ общественныхъ городскихъ суммъ; такимъ образомъ, расходы по содержанію всѣхъ школъ въ Тургайской области достигли въ 1887 году 24.687 руб. 40 коп. Въ 1888 году на содержаніе двухъклассныхъ школъ изъ государственнаго казначейства было отпущено 8310 рублей, а изъ общественныхъ городскихъ суммъ 7230 руб.; на содержаніе остальныхъ школъ въ области было издержано 12.119 рублей 90 коп., всего же 27.659 руб. 90 коп. Учрежденные въ 1885 году запасные капиталы въ 1886 году достигли 1747 руб. 60 коп., въ 1887 году—1957 руб. 68 коп., а въ 1888 году—2460 руб. 84 коп. Теперь ежегодное содержаніе тургайскихъ школъ обходится въ 33.291 руб. 51 коп.! Этому, конечно, нельзя не порадоваться и нельзя не удивляться стремленію киргизовъ къ образованію дѣтей своихъ въ духъ истиннаго просвѣщенія, а не въ духъ косности и развитія невѣжественной горделивости, какъ это дѣлается у татаръ въ ихъ медресе и мектебе, въ

этихъ безобразно поставленныхъ мусульманскихъ школахъ, гдѣ проповѣдуется полнѣйшее отрицаніе искусства, науки и всего немусульманскаго. Честь тому, кто сумѣлъ пріохотить киргизовъ учиться въ русскихъ школахъ, и честь тому, кто принималъ участіе въ обезпеченіи школъ Тургайской области.

Говоря это, нельзя обойти молчаніемъ имени Алтынсарина; то былъ первый инспекторъ народныхъ училищъ Тургайской области, первый и послѣдній инспекторъ киргизъ, — киргизъ, ясно понимавшій великое значеніе дѣла народнаго просвѣщенія. Хотя школьное образованіе Алтынсарина ограничивалось только начальнымъ русско-киргизскимъ училищемъ, существовавшимъ при пограничномъ управленіи въ Оренбургѣ, но при своей любознательности, даровитости и подѣ влияніемъ русскихъ высокообразованныхъ людей, какими были В. В. Григорьевъ и А. А. Бобровниковъ и какимъ является въ настоящее время Н. И. Ильминскій, онъ получилъ самостоятельно довольно солидное образованіе и былъ выдающимся дѣятелемъ на пользу отечества и родныхъ ему киргизовъ.

Свою службу Алтынсаринъ скромно началъ, въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, учителемъ русско-киргизскаго училища въ г. Тургаѣ, а кончилъ ее инспекторомъ народныхъ училищъ, въ промежутки же былъ дѣлопроизводителемъ тургайскаго уѣзднаго управленія и тургайскимъ уѣзднымъ судьей.

Въ 1876 году, какъ выдающійся киргизъ, Алтынсаринъ былъ лично представленъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, въ бытность его въ Оренбургѣ. Въ сентябрѣ 1879 года Алтынсаринъ былъ назначенъ инспекторомъ новыхъ русско-киргизскихъ училищъ въ Тургайской области и въ продолженіе всей своей десятилѣтней инспекторской службы всячески старался провести человѣческое и въ то же время русское образованіе въ среду кирги-

зовъ; онъ устроилъ нѣсколько мужскихъ русско-киргизскихъ училищъ, одно женское, и ему же обязано своимъ существованіемъ ремесленное училище, названное (по имени уважаемаго Алтынсаринымъ полковника Яковлева) Яковлевским *). Алтынсаринъ задушевно относился къ учителямъ школъ и всегда готовъ былъ помочь каждому въ нуждѣ, за что пользовался искреннею любовью и уваженіемъ послѣднихъ; киргизы также любили его и питали къ нему полное довѣріе, — это былъ истинно обрусѣлый киргизъ со всѣми добрыми качествами, свойственными этому племени; вмѣстѣ съ тѣмъ Алтынсаринъ былъ въ высшей степени симпатичный, умный и честный человѣкъ, вполне полезный чиновникъ и усердный дѣятель на пользу Россіи и киргизовъ; говоря короче — онъ былъ первымъ среди киргизовъ, вносившимъ свѣтъ цивилизаціи европейской и любви къ Россіи въ среду темныхъ номадовъ своего племени. Умеръ Алтынсаринъ въ Кустанаѣ, Тургайской области, 17 іюля 1889 года, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни (воспаленіе легкихъ), 52 лѣтъ. Это была очень тяжелая потеря для области и для русскаго дѣла въ киргизской степи. Изъ педагогическо-литературныхъ трудовъ послѣ Алтынсарина остались «Начальное руководство къ обученію киргизовъ русскому языку» и «Киргизская хрестоматія». Въ запискахъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1870 годъ находимъ двѣ прекрасно имъ написанныя статьи: «Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства» и «Очеркъ обычаевъ при похоронахъ и поминкахъ у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства».

Обратимся теперь къ Тургайской области.

Въ 1885 году въ области этой было 6 мужскихъ учеб-

*) Полковникъ Яковлевъ, добрый, прекрасный, истинно русскій человѣкъ, имѣлъ на Алтынсарина особенно сильное и прекрасное вліяніе, какъ добрый отецъ на сына.

ныхъ заведеній: 3 двухклассныхъ русско-киргизскихъ училища, 1 одноклассное, 1 ремесленное и 1 церковное; учащихся въ нихъ было 209 человекъ: 90 русскихъ и 119 киргизовъ; учителей было 18,—11 православнаго вѣроисповѣданія и 7 магометанъ. Въ 1886 году въ шести школахъ Тургайской области было 227 учениковъ; изъ нихъ 88 русскихъ и 139 киргизовъ; число учениковъ, сравнительно съ 1885 годомъ, увеличилось такимъ образомъ на 18. Въ 1887 году число школъ увеличилось сразу на 6,—открыли четыре волостныхъ школы, 1 русское мужское училище въ Акъ-Тюбѣ и 1 женское для городскихъ дѣвочекъ въ Иргизѣ. Учащихся въ 1887 году было 443 человека—414 мальчиковъ и 29 дѣвочекъ; это на 221 ученика больше, чѣмъ въ 1886 году. Въ 1888 году было открыто одноклассное училище въ Николаевскомъ уѣздѣ на 60 мальчиковъ для жителей поселка Кустаная и въ Тургайскомъ уѣздѣ—Каратургайская волостная школа на 25 учениковъ-киргизовъ; кромѣ того, въ Иргизскомъ уѣздѣ открыли интернатъ на 20 киргизскихъ дѣвочекъ при Иргизскомъ женскомъ училищѣ. По поводу этого открытія въ газетѣ «Новости» мы съ удовольствіемъ прочли слѣдующую замѣтку:

Прошло уже болѣе 150 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ киргизы добровольно, безъ всякаго кровопролитія, приняли русское подданство и подверглись вліянію русской культуры. Въ настоящее время правительство энергически приступаетъ къ насажденію цивилизаціи среди этого народа, умѣло и съ тактомъ ведя борьбу противъ вѣками сложившихся предрассудковъ и суевѣрій. Теперь возникаютъ школы для киргизскихъ дѣтей, открываются вакансіи для нихъ въ ближайшихъ кадетскихъ корпусахъ. Значительное содѣйствіе въ этомъ отношеніи оказали правительству киргизскіе султаны, подавъ собою примѣръ отдачи дѣтей въ учебныя заведенія. Несмотря на это, весь социальный строй, общественной жиз-

ни вообще и семейный въ частности, остается до сихъ поръ почти неизмѣнившимся. Причина этого, по мнѣнію людей свѣдущихъ, объясняется тѣмъ, что дѣвочки киргизовъ оставались доселѣ безъ всякаго образованія. Въ концѣ прошлаго года *), по почину жены киргизскаго уѣзднаго начальника, въ г. Иргизѣ открытъ былъ киргизскій женскій пансіонъ при русской школѣ, и теперь въ немъ обучаются уже 15 киргизскихъ дѣвушекъ; все это большею частію дочери, сестры и родственницы султановъ, которыя усердно стремятся къ образованію.

Къ этому надо прибавить, что интернатъ всецѣло содержится на киргизскія общественныя средства и обходится ежегодно въ 2477 р. 50 к. Главнымъ предметомъ занятій служило, на первыхъ порахъ, руководѣіе: ручное шитье, шитье на машинѣ и по канвѣ, разныя вышиванія и вязанія (тамбурное, филе) и шитье золотомъ; въ будущемъ, нужно думать, шире поставится курсъ обученія предметамъ и съ руководѣіемъ будетъ преподаваться киргизскимъ дѣвочкамъ домашнее хозяйство въ разныхъ его видахъ.

Всего училищъ въ 1890 году было 16, обучалось въ нихъ 552 мальчика и 84 дѣвочки, а всего 636 человекъ, которыхъ обучали 50 преподавателей, считая въ томъ числѣ законоучителей и преподавателей ремеслъ. На содержаніе училищъ ежегодно отпускается: а) изъ государственнаго казначейства 8536 р., б) изъ средствъ киргизскихъ обществъ 25687 р. 90 к. и в) изъ средствъ городскихъ обществъ 3944 р., а всего 38167 р. 90 к.

Воспитанники двухклассныхъ школъ Тургайской области, по окончаніи курса, въ 1886—89 и 1890 годахъ поступали частью въ Орскую учительскую школу **), частью въ

*) 13 октября 1888 года.

**) Школу эту проектировали открыть въ г. Троицкѣ, но открыли въ 1883 году въ Орскѣ, Оренбургской губерніи, а теперь она находится въ Оренбургѣ.

Красноуфимское реальное училище, преобразованное теперь въ промышленное, и частью въ другія учебныя заведенія. Въ Красноуфимское реальное училище на два года командировали обыкновенно воспитанниковъ, окончившихъ курсъ учительской семинаріи, для теоретическаго и практическаго изученія нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства и ремеслъ, съ платою въ годъ по 180 рублей за каждаго воспитанника; кромѣ того, въ 1886 году были отпущены областнымъ начальствомъ директору Красноуфимскаго реальнаго училища 1365 рублей на устройство при фермѣ училища для киргизскихъ воспитанниковъ сыроварни, которая въ 1887 году была пущена въ ходъ. Въ томъ же году увеличили число воспитанниковъ изъ киргизовъ при реальномъ училищѣ съ 4 на 6 и стали отпускать изъ общественныхъ средствъ области по 2000 рублей на содержаніе воспитанниковъ и въ пособіе училищу для лучшей постановки тѣхъ производствъ, которымъ должны обучаться киргизы.

Кромѣ Оренбургской учительской семинаріи и Красноуфимскаго промышленнаго училища, дѣтей киргизовъ Тургайской области можно встрѣтить въ Оренбургской и Троицкой гимназіяхъ, въ С.-Петербургскомъ и Казанскомъ университетахъ, гдѣ они воспитываются стипендіатами на средства Тургайской области.

Вообще, киргизское населеніе этой области весьма сочувственно относится къ дѣлу народнаго образованія, что особенно подтверждается тѣмъ фактомъ, что киргизы свободно, какъ мы видѣли выше, отдають своихъ дѣвочекъ въ женскую школу и стараются, добавимъ здѣсь, объ открытіи еще такой же школы, а это въ магометанскомъ населеніи должно считаться явленіемъ, не совсѣмъ обыкновеннымъ.

Кромѣ сборовъ на нужды народнаго образованія, въ Тургайской области установлены еще сборы на оспопрививаніе, на содержаніе джигитовъ, на истребленіе волковъ, на наемъ квартиръ для сѣзда биевъ и на содержаніе больныхъ киргизовъ въ военныхъ лазаретахъ; сборы эти, впрочемъ, не обязательны.

На оспопрививаніе въ 1884 году было назначено въ Илецкомъ уѣздѣ 804 р. 55 к., въ Тургайскомъ 1315 р. 40 к., въ Николаевскомъ 1031 р. 10 к., а всего 3151 р. 5 к.; въ 1887 году на оспопрививаніе было назначено въ Илецкомъ уѣздѣ 825 р. 20 к., въ Иргизскомъ 780 р. 75 к., въ Николаевскомъ 1077 р., а всего 2682 р. 95 к.

Дѣло оспопрививанія въ Тургайской области подвигается вообще медленно, въ силу многихъ неблагопріятныхъ условій и вслѣдствіе предразсудковъ большинства кочевого населенія, относящагося несочувственно къ оспопрививанію.

Въ 1887 году заболѣвшихъ натуральною оспой было 118 человекъ, изъ которыхъ 18 умерли: это—15,20%. Такую, относительно большую, заболѣваемость оспой можно объяснить неблагопріятными условіями кочевой жизни населенія и его невѣжественнымъ отношеніемъ къ заразнымъ болѣзнямъ. Кочевники киргизы въ зимнее время живутъ въ построенныхъ изъ сырого дерна, рѣже изъ сырцоваго кирпича, низкихъ, сырыхъ и темныхъ землянкахъ, которыя обыкновенно разбросаны около озеръ, рѣчекъ и ручьевъ, содержащихъ въ большинствѣ соленую воду. Въ жилищахъ ихъ соблюденіе санитарныхъ мѣръ немыслимо, вслѣдствіе чего въ зимнее время заболѣваемость между киргизами бываетъ очень значительна. Съ раннею весной жизнь кочевника измѣняется: съ апрѣля киргизы выкочевываютъ изъ своихъ зимнихъ стоянокъ, размѣщаются въ кибиткахъ и пользуются степнымъ свѣжимъ воздухомъ, перемѣняя черезъ двѣ-три недѣли мѣсто своего кочевья, смотря по тому, какъ вытравится

кормъ. Питаясь мясомъ и употребляя въ обильномъ количествѣ кумысъ, они быстро возстановляютъ свое здоровье, и трудно даже вѣрить, чтобы эти люди, прожившіе около пяти мѣсяцевъ въ сырыхъ, тѣсныхъ, смрадныхъ и темныхъ помѣщеніяхъ, черезъ какой-либо мѣсяць или два высматривали такими бодрыми и здоровыми. Песчаная почва составляетъ естественный дезинфекціонный фильтръ для грязныхъ водъ, а сухость озонированнаго воздуха и обиліе солнечныхъ дней въ теченіе весны, лѣта и осени служатъ могущественными и ничѣмъ пезамѣнимыми источниками естественной ассенизаціи.

На содержаніе джигитовъ въ 1884 году было назначено въ Илецкомъ уѣздѣ 5058 р. 45 к., въ Тургайскомъ 5539 р. 71 к., въ Иргизскомъ 1516 р., въ Николаевскомъ 7896 р. 65 к., а всего 20.010 р. 81 к.; на тотъ же предметъ въ 1887 году было назначено въ Илецкомъ уѣздѣ 1980 р. 48 к., въ Тургайскомъ 2445 р. 12 к., въ Иргизскомъ 3125 р., въ Николаевскомъ 2598 р. 18 к., всего же 10.148 р. 78 коп.

До 1885 года въ Тургайской области содержались конные джигиты изъ киргизовъ; на обязанности этихъ джигитовъ лежало предупрежденіе кражъ и угона скота, охраненіе лѣтомъ зимовыхъ стойбищъ, полей и луговъ отъ потравъ. Въ 1885 году, вмѣсто джигитовъ, учредили конную полицейскую стражу—по одному младшему стражнику изъ киргизовъ на каждую волость (всего 43 стражника) и два старшихъ на каждый уѣздъ изъ русскихъ, владѣющихъ, однако, киргизскимъ языкомъ (8 стражниковъ). Весь этотъ составъ конныхъ стражниковъ находится при уѣздныхъ управленіяхъ, въ полномъ распоряженіи уѣздныхъ начальниковъ. Они употребляются теперь для охраненія внутренняго спокойствія въ волостяхъ, для открытія и преслѣдованія, какъ говорится, по горячимъ слѣдамъ, разнаго рода преступниковъ, для на-

блюденія за безопасностью дорогъ и для исполненія другихъ полицейскихъ обязанностей. Годовое содержаніе младшихъ стражниковъ—150 рублей, а старшихъ—300 рублей.

На истребленіе волковъ въ 1884 году въ Тургайскомъ уѣздѣ назначено было 1315 р. 40 к., въ Иргизскомъ 758 р., въ Николаевскомъ 1003 р. 75 к., всего же 3077 р. 15 к.; на тотъ же предметъ въ 1887 году было назначено въ Иргизскомъ уѣздѣ 468 р. 45 к. и въ Николаевскомъ 599 р. 58 к., а всего 1068 р. 3 к.

На содержаніе дома для сѣзда біевъ въ Иргизскомъ уѣздѣ въ 1887 году было назначено 686 р. 45 к.; этимъ же уѣздомъ на содержаніе больныхъ въ военномъ лазаретѣ было ассигновано 1272 рубля.

Итакъ киргизы Тургайской области въ податной окладъ платять 263.232 р., 49.336 р. 65 к. на содержаніе должностныхъ лицъ общественнаго управленія, 29.176 р. 80 к. на подводную и дорожную повинности, около 25.000 рублей на образованіе дѣтей, 2682 р. 95 к. на оспопрививаніе, 10.146 р. 78 к. на содержаніе джигитовъ, около 1500 рублей на истребленіе волковъ, до 700 рублей на наемъ дома для сѣзда біевъ и до 1500 рублей на содержаніе больныхъ въ военныхъ лазаретахъ, а всего 383.275 руб. 19 коп.

Доходы кочевника Тургайской области заключаются въ земледѣліи и скотоводствѣ; скотоводство, разумѣется, главный источникъ его доходовъ. Выручаютъ киргиза всего болѣе овца и верблюды, а затѣмъ уже лошадь и корова. Выше мы видѣли, что въ 1888 году у тургайскихъ ордынцевъ количество скота представляло собою довольно значительное богатство: 1.573.892 овцы, 144.981 верблюды, 559.202 лошади, 112.031 коза и 283.979 головъ рогатаго скота. Предполагая, въ среднемъ, что баранъ стоитъ 2 рубля, верблюдъ

35 рублей, лошадь 22 рубля, корова 14 рублей, а коза 2 рубля, получимъ, что все бараны Тургайской области стоятъ 2.747.784 рубля, верблюды 2.154.835 рублей, лошади 12.302.424 руб., рогатый скотъ 3.975.706 руб. и 224.062 руб. козы; 21.404.811 рублей—вотъ чему равняется богатство киргизовъ Тургайской области, если мы выразимъ богатство это въ деньгахъ; къ нему надо прибавить еще 2.680.000 рублей, которые получаются, приблизительно, киргизами отъ земледѣлія и до 800 рублей отъ рыболовства. Хотя рыбная ловля въ жизни ордынцевъ играетъ еще самую ничтожную роль, тѣмъ не менѣе на рѣкахъ—Тургаѣ, Ори, Верхнемъ Тоболѣ и на нѣкоторыхъ рыбныхъ озерахъ мѣстные киргизы начинаютъ пользоваться рыбой, которую ѣдятъ, впрочемъ, неохотно и въ большинствѣ случаевъ продаютъ или обмѣниваютъ казакамъ и русскимъ крестьянамъ на хлѣбъ. Еще можно указать какъ на источникъ киргизскихъ доходовъ—на извозничество. Транспортированіе клади на верблюдахъ искони составляло любимый промыселъ ордынца, главнымъ образомъ потому, что занятіе это, какъ нельзя болѣе, гармонируетъ со всеми вкусами и повадками номада. По свѣдѣтельству официальныхъ источниковъ, населяющіе Тургайскую область киргизы, имѣя значительное количество верблюдовъ, большими партіями перевозятъ среднеазиатскіе товары изъ Туркестана, Хивы и Бухары въ Оренбургъ и Троицкъ, а русскія произведенія и товары изъ этихъ пунктовъ въ Среднюю Азію. Главнѣйшія направленія караваннаго движенія изъ Средней Азіи по Тургайской области идутъ отъ Ташкента, черезъ верховья рѣки Тургая, въ г. Троицкъ и отъ Ташкента и Казалинска въ г. Орскъ и Оренбургъ. Кромѣ вьючнаго способа, перевозка товаровъ производится въ довольно значительномъ размѣрѣ и на телѣгахъ. Судя по массѣ постоянно проходящихъ по степи каравановъ, слѣдуетъ предположить, что киргизы добываютъ извозомъ не мало, но опредѣлить

болѣе или менѣе точно цифру заработка нѣтъ никакихъ данныхъ, такъ какъ караваны, направляясь прямыми дорогами, почти вовсе не проходятъ черезъ осѣдлые пункты области, гдѣ можно было бы вести имъ счетъ. Хотя съ проведениемъ закаспійской желѣзной дороги движеніе каравановъ по Тургайской области замѣтнымъ образомъ сократилось, тѣмъ не менѣе можно предположить, что 20% верблюдовъ работаетъ у киргизовъ на караванныхъ дорогахъ. Сколько же получаютъ они за эту работу 28.980 верблюдовъ? По официальнымъ свѣдѣніямъ, плата за провозъ отъ Оренбурга до Ташкента въ шестидесятихъ годахъ не превышала 6—7 рублей съ верблюда. Въ 1870 году, по свидѣтельству Бекчурина, вьючный верблюдъ, поднимавшій 17 пудовъ, стоилъ отъ Оренбурга до Бухары 28 рублей. Съ 1874 года по 1879-й, до роковой зимы «въ годъ зайца», цѣна верблюда съ нагрузкою на него 18 пудовъ составляла, по словамъ Н. Васильева, изъ Ташкента въ Оренбургъ отъ 13 до 14 рублей, на условіяхъ обычной караванной доставки въ срокъ отъ 5 до 6 мѣсяцевъ; за тотъ же путь въ случаѣ доставки краткосрочной, съ обязательствомъ доставить кладъ въ 75—80 дней, провозная плата повышалась отъ одного до двухъ рублей на верблюда. За провозъ отъ Ташкента до Троицка въ шестимѣсячный періодъ платилось 11 рублей. Съ зимы 1879—80 годовъ цѣны на провозъ, какъ и слѣдовало ожидать, значительно увеличились; онѣ доходили до 18 рублей за пудъ изъ Оренбурга въ Ташкентъ. Теперь за этотъ же путь киргизъ беретъ съ верблюда 16 рублей и зарабатываетъ такимъ образомъ 32 рубля въ годъ, дѣлая обыкновенно двѣ транспортировки на разстояніи не менѣе 2000 верстъ. Эти 32 рубля съ верблюда не могутъ, конечно, цѣликомъ попасть въ карманъ киргиза; причинъ для этого много. Во-первыхъ, не всѣ верблюды въ караванѣ платные; кромѣ животнохъ съ вьюкомъ, въ транспортѣ должны быть запасные

верблюды, за которыхъ товаротправитель не даетъ однако ни копѣйки. Чаще всего на каждый десятокъ вьючныхъ животныхъ полагается одно запасное, которое берется не только на случай болѣзни верблюда въ пути, но и съ цѣлью, — распределеніемъ груза на большее число животныхъ облегчить имъ, по возможности, трудъ. Предусмотрительность эта становится тѣмъ болѣе необходимою, что нерѣдко грузоотправитель, если только по роду клади и упаковки не рискуетъ, вьючить на верблюда значительно болѣе 18 нормальныхъ пудовъ. Употребленіе децимальныхъ вѣсовъ, при нагрузкѣ товара, подчасъ лишаетъ возчика всякой возможности контроля, и дѣйствительный вѣсъ тая (двухъ мѣстъ клади, по обѣимъ сторонамъ животнаго) знаетъ лишь Аллахъ да спина верблюда. Въ результатѣ провозная плата отъ запасныхъ верблюдовъ понижается на 10% или на 3 руб. 20 коп. Во-вторыхъ, керекешъ или возчикъ долженъ уплатить, по обычаю, караванбашѣ за каждый путь по 30 коп., — всего 60 коп. Въ-третьихъ, надо принять въ расчетъ содержаніе въ пути самого керекеша въ теченіе почти цѣлаго года внѣ семьи. Какъ ни ограничены потребности киргиза, а все же, питаясь провизіей, купленной на базарѣ, отдѣльно отъ домашнихъ, онъ волей-неволей изведетъ нѣсколько лишнихъ рублей, положимъ хоть 4 рубля. Въ-четвертыхъ, керекешу постоянно грозитъ опасность отъ падежа верблюдовъ на пути. Киргизскіе верблюды, говоря вообще, тощи и слабосильны, не то что рослые и могучіе красавцы-верблюды Бухары; нерѣдко у киргизовъ можно встрѣтить, вмѣсто верблюдовъ, кости да кожу, особенно ранней весной, послѣ зимней голодовки... И однакоже на спину такого жалкаго животнаго взваливается тяжелый вьюкъ, и животное идетъ съ нимъ изо-дня-въ-день положенный путь не влѣдствіе безсердечія керекеша, а потому, что крѣпкаго верблюда у него нѣтъ, а заработать что-нибудь надо. Случается, что исто-

щенная скотина падаетъ въ дорогѣ или же, не будучи въ силахъ идти дальше, упорно лежитъ на землѣ и оставляется на произволъ судьбы. Потерять одного верблюда даже болѣе зажиточному керекешу, имѣющему 4—5 штукъ, значитъ лишиться половины заработка за цѣлый путь въ 2000 верстъ. Если предположимъ, что въ теченіе года, при нашихъ примѣрныхъ двухъ транспортировкахъ изъ сотни верблюдовъ падетъ одинъ, такъ и это составитъ достаточный убытокъ на каждаго верблюда. Словомъ изъ 32 рублей, за разными вычетами, киргизу останется не болѣе 25 рублей; слѣдовательно, 29.980 верблюдовъ дадутъ въ годъ хозяевамъ всего 749.500 рублей. Теперь сосчитаемъ весь доходъ киргизовъ въ Тургайской области или вѣрнѣе богатство ихъ. 21.404.811 рублей стоитъ, какъ мы видѣли, скотъ ихъ; 2.680.000 приноситъ имъ земледѣліе, 800 рублей рыболовство и 749.600 рублей извозный промыселъ, а всего они имѣютъ 24.835.211 рублей. Взятый отдѣльно, самъ по себѣ, капиталъ этотъ не можетъ дать намъ все-таки представленія о степени благосостоянія обывателя; намъ нужна не абсолютная цифра капитала, а среднее количество его, приходящееся на одно киргизское хозяйство; лишь отыскавъ его, мы можемъ судить объ экономическомъ положеніи тургайскаго киргиза; на одно же хозяйство приходится 377,5 р.: здѣсь и капиталъ и значительная часть процентовъ (заработокъ отъ транспортированія кладей и отъ употребленія воловъ и лошадей подъ обработку земли) съ капитала.

Намъ бы очень хотѣлось свести здѣсь приходъ киргизовъ Тургайской области съ расходомъ ихъ, но мы не имѣемъ для этого въ настоящее время основательныхъ данныхъ. Чтобы имѣть хотя приблизительное понятіе о экономическомъ благосостояніи ордынцевъ, обратимся къ двумъ источникамъ, которые могутъ намъ нѣсколько освѣтить этотъ вопросъ — къ ссуднымъ кассамъ въ Тургайской области и къ

развитію торговли. Если мало киргизы берутъ займы денегъ и скоро выплачиваютъ долги свои, если въ области ихъ годъ-отъ-году больше и больше развивается торговля, то значитъ, что они сводятъ, какъ говорится, концы съ концами и даже быть можетъ имѣютъ запасы «про черный день».

Для пособія по продовольствію киргизскаго народа, на случай неурожая хлѣбовъ и травъ, падежа скота и другихъ бѣдствій, при тургайскомъ областномъ правленіи имѣется ссудный капиталъ, который и раздается нуждающимся киргизамъ; кромѣ этого, во многихъ волостяхъ учреждены волостныя общественныя ссудныя кассы; въ Тургайскомъ уѣздѣ всѣ эти кассы сосредоточены въ уѣздномъ управленіи, а въ остальныхъ уѣздахъ ими вѣдаютъ сами волости. Въ виду неумѣлаго обращенія съ кассовымъ дѣлопроизводствомъ лицъ, выбираемыхъ волостными обществами для управленія кассами и частыхъ злоупотребленій, областнымъ начальствомъ составленъ былъ проектъ соединенія капиталовъ волостныхъ ссудныхъ кассъ каждаго уѣзда въ одинъ общій капиталъ уѣздной ссудной кассы съ передачею его въ вѣдѣніе и распоряженіе уѣздныхъ управленій. Проектъ этотъ представленъ былъ въ 1885 году въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но не получилъ движенія, такъ какъ не всѣми волостными обществами, располагающими волостными кассами, были составлены приговоры о передачѣ капиталовъ этихъ кассъ въ распоряженіе уѣздныхъ управленій.

Капитала ссудной кассы, учрежденной при тургайскомъ областномъ управленіи, къ 1 января 1885 года состояло на лицо 2905 рублей; въ 1885 году поступило въ уплату отъ заемщиковъ 9838 рублей; къ 1 января 1886 года состояло въ долгахъ 12.257 рублей, а на лицо 12.743 рубля; въ 1886 году поступило въ уплату отъ заемщиковъ 3727 рублей; къ 1-му января 1887 года состояло въ долгахъ 24.703

р. и на лицо было 297 рублей; въ теченіе 1887 года поступило отъ заемщиковъ 1713 р. 10 к., къ 1-му января 1888 года состояло въ долгахъ 22.989 р. 90 к., а на лицо 2010 р. 10 к.; въ теченіе 1888 года поступило отъ заемщиковъ 811 руб. 40 коп.; къ 1-му января 1889 года состояло въ долгахъ 22.475 р. 50 к., а на лицо 2524 р. 50 к.

Въ волостныхъ ссудныхъ кассахъ къ концу 1885 года насчитывалось 76.809 руб. 38 коп., къ концу 1886 года 82.962 р. 79 к., къ концу 1887 года 86.036 руб., а къ концу 1888 года 93.858 р. 28 к. Ежегодное увеличеніе капитала происходило вслѣдствіе накопленія процентовъ и отъ добровольныхъ взносовъ киргизскаго населенія по 10 к. съ кибитки, какъ это было, напр., въ Тургайскомъ уѣздѣ, а также отъ поступающихъ въ ссудныя кассы штрафовъ, налагаемыхъ судомъ бѣговъ.

Въ Иргизскомъ уѣздѣ имѣется особый капиталъ въ 11.550 р. 75 к. Эта сумма была ассигнована для удовлетворенія киргизовъ за выставленные ими въ 1875—76 годахъ кибитки и топливо для проходящихъ войскъ и, съ согласія общества, обращена была на нужды народнаго продовольствія. Этотъ капиталъ въ 1881 году и въ 1882-мъ былъ розданъ нуждающимся киргизамъ уѣзда частью хлѣбомъ, а частью наличными деньгами. Въ 1885 году на лицо было 4824 р. 22 к., въ долгахъ же числилось 6412 р. 41 к. Въ 1886 году продовольственный капиталъ Иргизскаго уѣзда обращался въ суммѣ 11.236 р. 63 к.; на лицо состояло 7901 р. 72 к., а въ долгахъ 3334 р. 91 к.; въ 1888 году изъ этого капитала выдавались ссуды нуждающимся киргизамъ хлѣбомъ на пропитаніе и зерномъ на обсеменение полей. Для лучшаго удовлетворенія этихъ потребностей, въ Иргизѣ на счетъ продовольственнаго капитала уст-

роенъ былъ запасный хлѣбный магазинъ и складъ болѣе или менѣе необходимыхъ земледѣльческихъ орудій.

По случаю бѣдствія 1879—80 годовъ киргизамъ Тургайской области была выдана изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала ссуда въ 60.000 рублей съ разсрочкою, на основаніи Высочайшихъ повелѣній, киргизамъ Николаевского, Илецкаго и Иргизскаго уѣздовъ на четыре года, а киргизамъ Тургайскаго на 6 лѣтъ. На пополненіе этой ссуды по 1-е января 1886 года поступило 44.659 р. 49 к., оставалось въ недоимкѣ 9426 р. 1 к. и на разсрочкѣ 5914 р. 50 к.; въ число недоимки въ началѣ 1886 года поступило 3500 р., а къ концу этого года всей уплаты оставалось около 5000 рублей, къ концу 1887 года—3057 р. 37 к., къ концу 1888 года 2438 р. 55 к.; теперь же, надо полагать, ссуда вся уплачена вполнѣ.

Эти краткія отрывочныя свѣдѣнія даютъ все-таки нѣкоторую возможность заключить, что киргизы Тургайской области, въ конецъ разорившіеся въ зиму 1879—1880 годовъ, снова понемногу входятъ въ колею обычной жизни и что ихъ нельзя или вѣрнѣе—нѣтъ пока никакого основанія причислять къ постепенно бѣднѣющимъ народамъ, въ родѣ нашихъ башкиръ. Къ этому же приблизительно выводу приводятъ насъ и свѣдѣнія о торговлѣ въ Тургайской области, — свѣдѣнія, впрочемъ, какъ и о ссудныхъ кассахъ, весьма неполныя и отрывочныя.

Сами киргизы ведутъ очень значительную торговлю скотомъ, продавая главнымъ образомъ овецъ и лошадей, рѣже коровъ и верблюдовъ; торговля идетъ на мѣновыхъ дворахъ Оренбурга и Троицка и въ нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ. Скотъ киргизы продаютъ за наличныя деньги или вымѣниваютъ на хлѣбъ и товары, въ какихъ они нуждаются. Въ урожайные годы киргизы Тургайской области много сбываютъ въ Оренбургъ, Троицкъ, Орскъ и въ нѣкоторые другіе тор-

говые пункты пшеницы и проса. Торговцы Оренбургской губернии и осёдлых пунктов Тургайской области, въ свою очередь, отправляют караваны съ товарами въ аулы киргизовъ и обмѣниваютъ эти товары исключительно уже на скотъ, его продукты и на киргизскія издѣлія. Обороты какъ этой торговли, такъ и постоянной въ населенныхъ пунктахъ области простирались въ 1885 году до 769000 рублей; изъ нихъ на Илецкій уѣздъ съ поселкомъ Акъ-Тюбѣ пало до 157.000 рублей, на Николаевскій 26.000 рублей, на Кустанай 450.000 рублей, на Тургайскій уѣздъ 43.000 рублей, на г. Тургай 33.000 рублей, на Иргизскій уѣздъ съ г. Иргизомъ и фортъ Карабутахъ 60.000 рублей; въ 1886 году на Илецкій уѣздъ съ постомъ Акъ-Тюбѣ пало до 288.961 р., на Николаевскій до 30.000 рублей, на Кустанай до 460.000 р., на Тургайскій уѣздъ до 45.000 рублей, на г. Тургай до 35.000 рублей, на Иргизскій уѣздъ съ г. Иргизомъ и фортомъ Карабутахъ до 65.000 рублей,—всего же въ 1886 году было сдѣлано торговыхъ оборотовъ въ Тургайской области на 923.961 руб., а въ 1887 году на 882.500 рублей, которые распредѣлялись, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: въ Илецкомъ уѣздѣ съ постомъ Акъ-Тюбѣ—170.000 р., въ Николаевскомъ уѣздѣ съ Кустанаемъ—542.000 руб., въ Тургайскомъ уѣздѣ съ г. Тургаемъ—87.000 руб., въ Иргизскомъ уѣздѣ съ городомъ Иргизомъ и фортомъ Карабутахъ—83.500 рублей. Въ 1888 году торговые обороты въ городахъ и уѣздахъ Тургайской области простирались до 1.145.000 рублей; 217.000 рублей изъ этихъ денегъ пришлось на долю Илецкаго уѣзда съ Акъ-Тюбѣ, 675.000 рублей—на Николаевскій уѣздъ съ Кустанаемъ, 120.000 на Тургайскій уѣздъ съ г. Тургаемъ, а 133.000—на Иргизскій уѣздъ съ г. Иргизомъ и фортомъ Карабутахъ.

Постоянная торговля области сосредоточивается главнымъ образомъ въ уѣздныхъ пунктахъ: Акъ-Тюбѣ, Иргизѣ, Тургаѣ,

и Кустанаѣ; торговля эта посить, въ общѣмъ, характеръ мелочной. Въ 1885 году въ Иргизѣ насчитывалось 55 торговыхъ и промышленныхъ заведеній, въ 1886 году — 70, въ 1887 году — 84, а въ 1888 году въ Иргизѣ съ фортомъ Карабутахъ ихъ было 102. Въ Тургаѣ постоянная торговля производилась въ 1885 году изъ 18-ти торговыхъ и промышленныхъ заведеній, въ 1886 году — изъ 15, въ 1887 году — изъ 13, а въ 1888 — изъ 16; въ Акъ-Тюбѣ до 1887 года было 8 торговыхъ заведеній, въ 1887 году 10, а въ 1888-мъ — 18; въ Кустанаѣ въ 1885 году было 127 торговыхъ и промышленныхъ заведеній, въ 1886 году — 115, а въ 1887 — 88 годахъ — 179. Всего въ Тургайской области въ 1885 году было 216 торговыхъ и промышленныхъ заведеній, въ томъ числѣ 14 питейныхъ домовъ; въ 1886 году торговыхъ и промышленныхъ заведеній было 214, изъ нихъ 14 питейныхъ, — въ 1887 году — 285, а въ 1888-мъ 315.

Большая часть оборотовъ падаетъ на поселеніе Кустанай, которое развивается съ каждымъ годомъ и общаетъ сдѣлаться въ недалекомъ будущемъ важнымъ торговымъ пунктомъ.

Съ осѣдлаго населенія въ Тургайской области никакихъ сборовъ не дѣлается. Въ 1887-мъ году въ крестьянской Кустанайской волости, на основаніи общественнаго приговора, былъ установленъ двухрублевый сборъ съ каждой десятины, обрабатываемой лицами, не принадлежащими къ обществу. Сборъ этотъ идетъ на содержаніе лицъ общественнаго управленія.

Киргизы — крѣпко сложенные коренастые люди, съ толстой

и короткой шеей, широкимъ и невысокимъ черепомъ, плоскимъ лицомъ, выдающимися скулами, приплюснутымъ носомъ, маленькими косолежащими глазами, рѣдкой бородой, смуглымъ, часто грязно-коричневымъ цвѣтомъ кожи. Дородность составляетъ очень обыкновенное у киргизовъ явленіе, и она считается у благороднаго сословія націи чѣмъ-то въ родѣ привилегіи, прибавляющей важности и придающей болѣе величавый видъ. По большей части они обладаютъ большою физическою силою, но крайне лѣнны, вялы, неповоротливы и неуклюжи; походка ихъ тяжелая—тѣмъ болѣе, что отъ постоянного сидѣнья на конѣ, на которомъ они проводятъ половину своей жизни, ноги у нихъ слегка выгнуты дугой. Исключительно свойственныхъ киргизамъ болѣзней мы не знаемъ; они страдаютъ тѣми же болѣзнями, какими страдаемъ и мы. Нельзя не пожалѣть, что врачевныя силы въ Тургайской области весьма незначительны: 10 врачей *), 11 фельдшеровъ и 4 повивальныхъ бабки.

Въ 1885 году уѣздные врачи Тургайской области, по немѣнью особыхъ помѣщеній, принимали амбулаторныхъ больныхъ у себя на квартирахъ; тутъ же держали и лѣкарства, отпускаемыя больнымъ. За отсутствіемъ въ пунктахъ пребыванія врачей удобныхъ домовъ, а слѣдовательно и квартиръ, пріемъ больныхъ на квартирахъ врачей былъ для нихъ и ихъ семействъ очень стѣснителенъ—тѣмъ болѣе, что являлось немало больныхъ заразительными болѣзнями; приготовленіе лѣкарствъ, иногда сильно пахучихъ, не обходилось, конечно, безъ порчи воздуха въ квартирахъ врачей; больные очень часто стѣснялись, разумѣется, приходитъ за совѣтомъ къ врачу на его квартиру. Въ виду неудобствъ этихъ, предположено было въ мѣстахъ пребыванія уѣздныхъ

*) Областной врачъ (при областномъ правленіи), городской врачъ, 4 уѣздныхъ и 4 при военныхъ лазаретахъ.

врачей устроить приемные покои хотя бы на 5 кроватей, где врачи могли бы принимать и осматривать амбулаторных больных, а в случае надобности и оставлять там таких больных, которые должны находиться под непосредственным наблюдением врача; здесь же можно было бы хранить медикаменты и готовить лекарства. Необходимый на устройство и содержание приемных покоев расход предполагено было отнести частью на сборы с киргизов, а частью на местные средства оседлых пунктов, так как и киргизы, и поселенцы являются к врачам за медицинской помощью. Эти предположения 1885 года осуществились в 1887 году, в котором были устроены и открыты приемные покои в Иргизе, Ак-Тюбе, Тургай и в Кустанае для приходящих больных киргизов и русских; в помещении каждого из этих покоев (при квартирах врачей) отведена была комната для постановки четырех кроватей, предназначенных для тех больных, которые по роду своей болезни представляются более интересными для научно-медицинских наблюдений, а главное—требуют более тщательного ухода со стороны врача.

Больных, пользовавшихся советами уездных врачей в 1885 году было 2785; эпидемических болезней в году этом не было, лишь в конце его, в половине ноября, появилась в г. Иргизе скарлатина, которою заболели 16 человек, 10 из них, впрочем, выздоровели, а 6 умерли. Предохранительная оспа привита была в 1885 году 1784 младенцам; уездные повивальные бабки приняли 55 младенцев обоего пола, 34 из них русских, а 21 киргиз. В 1886 году уездные врачи пользовали 2886 больных, предохранительная оспа привита была 5837 младенцам; уездные повивальные бабки приняли в этом году 75 детей обоего пола. В Тургайском уезде в 1886 году появилась было оспа, но болезни этой не дали распростра-

ниться; случаевъ заболѣванія было 21 *); изъ заболѣвшихъ 7 умерли. Въ 1887 году, по официальнымъ свѣдѣнiямъ, за медицинскою помощью къ врачамъ обращались 2620 больныхъ; оспа привита была въ этомъ году 4660 дѣтямъ. Выше мы говорили, что въ 1887 году было 118 случаевъ заболѣванія оспой; кромѣ оспы, въ этомъ году болѣли корью въ Тургайской области 12 человекъ, коклюшемъ 21, дифтеритомъ и крупомъ 21, гриппомъ 4, заушницей 3, дизентерiей 5, бугорчаткой 23 (3 умерли), рожей 7, гнойнымъ конъюнктивитомъ 12 и сифилисомъ 94. Въ 1888 году оспою болѣло въ Тургайской области 19 человекъ, корью 15, коклюшемъ 27, крупомъ и дифтеритомъ 3 (2 умерли), гриппомъ 6, заушницей 25 (1 умеръ), тифомъ 20 (3 умерли), бугорчаткой 28 (2 умерли), рожей 10, гнойнымъ конъюнктивитомъ 7 и сифилисомъ 132.

Нужно ли говорить, что всѣ эти цифры неизмѣримо ниже дѣйствительныхъ. При разбросанности кочевого населенiя на громадной территорiи области, медицинская помощь, оказываемая населенiю, ограничивается обыкновенно случайными пособiями врачей во время поѣздокъ ихъ по ауламъ или при рѣзѣздахъ по судебной-медицинской практикѣ.

Въ 1885 году обнаружено было 205 преступленiй, подлежащихъ суду тургайскаго областнаго правленiя, по общимъ законамъ Имперiи, что составляло одно преступленiе на 1617 человекъ кочевого и осѣдлаго населенiя. По всѣмъ 205 преступленiямъ обвиняемыхъ было 644 человека (636 мужчинъ и 8 женщинъ); изъ нихъ осуждено было 9 человекъ, въ числѣ которыхъ находились 2 дворянъ, 1 крестьянинъ и 6 киргизовъ.

*) Вѣроятно, ихъ было въ 10 разъ больше, только объ этомъ не было извѣстно врачамъ Тургайской области.

Изъ числа преступленій, совершенныхъ въ 1885 году, выдавался случай вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго 12 октября партіей киргизовъ тургайскому уѣздному начальнику, полковнику Яковлеву при намѣреніи его задержать киргиза Актаса Чучакова, проявившаго себя главнымъ руководителемъ въ преступной семьѣ братьевъ Чучаковыхъ, десятки уже лѣтъ занимавшихся кражей и угономъ скота и этимъ причинявшихъ безпокойство и вредъ населенію. Оказанное сопротивленіе составляло единственный случай, происшедшій неожиданно, вслѣдствіе внезапнаго появленія уѣзднаго начальника въ средѣ родственниковъ и приверженцевъ скрывавшагося киргиза, Актаса Чучакова, желавшихъ защитить послѣдняго, такъ какъ они знали, что его разыскиваетъ уѣздный начальникъ. Въ данномъ случаѣ не было проявленія какого-либо общенароднаго неудовольствія, доказательствомъ чему служило, во-первыхъ, существовавшее тогда въ Тургайскомъ уѣздѣ полное спокойствіе среди населенія, а во-вторыхъ—то обстоятельство, что высланному впослѣдствіи для захвата преступниковъ воинскому отряду не было оказано со стороны народа не только сопротивленія, но и желанія скрывать виновныхъ,—не было сопротивленія даже и со стороны послѣднихъ. Послѣ захвата братьевъ Чучаковыхъ, участвовавшихъ въ сопротивленіи, разсѣялась и вся группировавшаяся около нихъ шайка воровъ, такъ что въ Тургайскомъ уѣздѣ не слышно стало о кражахъ.

Въ 1886 году было обнаружено 75 преступленій, подлежащихъ суду областнаго правленія, по общимъ законамъ Имперіи, что составляло одно преступленіе на 4517 человекъ кочевого и осѣдлаго населенія Тургайской области; по всемъ этимъ преступленіямъ обвиняемыхъ было 105 человекъ; изъ нихъ осудили 39 мужчинъ и 1 женщину; въ числѣ осужденныхъ были 3 мѣщанъ, 8 крестьянъ, 1 лицо военнаго сословія и 28 киргизовъ.

Въ 1887 году было обнаружено въ Тургайской области 91 преступленіе, по которымъ обвиняемыхъ лицъ обоого пола было 62; осудили изъ нихъ 60 мужчинъ и 2 женщины; по сословіямъ осужденные распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: мѣщанъ—1, крестьянъ—33, военного сословія—2, киргизовъ—26. Въ 1887 году одно преступленіе приходилось на 3837 человекъ осѣдлаго и кочевого населенія. Наибольшее число преступленій пало на крестьянъ-переселенцевъ. Причины тому заключались въ особыхъ условіяхъ, которыми сопровождалось ихъ переселеніе и водвореніе на новыхъ мѣстахъ. Многіе переселенцы изъ внутреннихъ губерній Россіи, обманутые преувеличенными разсказами и слухами о богатствѣ Тургайской области и объ отводимой на ней яко-бы бесплатно землѣ въ какомъ угодно количествѣ, являлись къ мѣстамъ водворенія безъ всякихъ средствъ для того, чтобы начать хозяйство, арендуя землю у киргизовъ; доведенные до нищеты, они легко впадали въ преступленія. Въ 1888 году было обнаружено въ Тургайской области 52 преступленія; одно преступленіе приходилось на 6337 человекъ, осуждено было 99 мужчинъ и 4 женщины; въ числѣ ихъ находилось 4 мѣщанина, 11 крестьянъ, 5 военныхъ и 83 киргиза.

Въ указанныя выше преступленія не вошли тѣ, за которыя киргизы обыкновенно судятся народнымъ судомъ и у уѣздныхъ судей: это—маловажныя преступленія.

На рѣшеніе киргизскаго народного суда, т. е. волостнаго и чрезвычайнаго сѣзда судебныхъ бѣевъ, въ 1885 году поступило въ Тургайской области 3239 дѣлъ, изъ которыхъ рѣшено было 2354, а 885 осталось къ 1886 году; въ 1886 году поступило 2244 дѣла, рѣшено было 1164 и 1080 дѣлъ осталось къ 1887 году, въ которомъ поступило 2699 дѣлъ, рѣшено было 1906, осталось къ 1888 году 793 дѣла; въ 1888 году поступило на рѣшеніе 2489 дѣлъ,

окончено было 1895, осталось къ 1889 году 594.

Въ то время какъ ни одинъ русскій городъ немислимъ безъ тюрьмы, въ то время какъ постройки чуть ли не три городовъ нашихъ начинались обыкновенно возведеніемъ остроговъ, въ Тургайской области нѣтъ тюремныхъ помѣщеній: вотъ счастливое исключеніе! Арестанты этой области въ Иргизѣ, Тургаѣ, въ Акъ-Тюбѣ и въ Карабутахъ содержатся на военныхъ гауптвахтахъ, а въ поселеніи Кустанаѣ—въ частномъ арестномъ домѣ, нанимаемомъ на счетъ мѣстныхъ суммъ. Домъ этотъ можетъ вмѣстить отъ 12 до 15 человѣкъ и то съ большимъ трудомъ.

Закончимъ статью о Тургайской области выпискою изъ татарской газеты «Переводчикъ».

Въ скоромъ времени, читаемъ тамъ, по словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ Петербургъ прибудеть—съ цѣлью ходатайствовать о назначеніи особаго муфтія, о поземельномъ устройствѣ и о признаніи правъ сословій—депутация киргизовъ Тургайской и Уральской областей. Депутация явится отъ трехъ милліоновъ киргизовъ (?). Въ виду того, что земли, издревле занимаемыя киргизами, признаны государственными и большая часть (?) бывшихъ киргизскихъ земель, удобныхъ для хлѣбопашества, отведены переселенцамъ, депутация уполномочена ходатайствовать о возвращеніи этихъ земель киргизамъ—въ виду того, что они рѣшили (?) отказаться отъ кочевой жизни и заняться хлѣбопашествомъ.

Искренне радуемся, говоритъ «Переводчикъ», движенію киргизовъ въ сторону культурной жизни и молимъ Бога объ успѣхѣ означенной депутации.

Кто не знаетъ, что такое «Переводчикъ» и какого онъ держится направленія, тотъ повѣритъ лицемѣрному заключенію этой газеты, преслѣдующей свои опредѣленные цѣли...

Возвысить мусульманскую религію, эту одну изъ самыхъ грубыхъ религій, надъ прочими, не исключая господствующей въ Россіи, и обособить магометанскіе народы—одна изъ цѣлей «Переводчика». Отсюда понятно, почему «Переводчикъ» радуется тому, что киргизы возымѣли намѣреніе выдворить изъ степей русскихъ, и желаетъ имъ въ дѣлѣ этомъ успѣха, но намъ совсѣмъ ужъ не понятно, какъ это «Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», издающееся для киргизовъ, которое, въ виду большей политической крѣпости русскаго государства, должно бы стремиться къ объединенію народовъ Россіи, перепечатываетъ воззванія «Переводчика», какъ мы видимъ это въ газетѣ отъ 15 іюня 1890 года.

